PT
40
E-51

РТ
40
Е51

И. А. ЕЛИЗАРОВСКИЙ

Русский язык XI—XVII вв.

ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ КУРСА ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

ИЗДАНИЕ ПЕДИНСТИТУТА И ИПККНО

АРХАНГЕЛЬСК
1935

Срок возврата
книги:
19/X-35

РТ
40
Е 51

И. А. ЕЛИЗАРОВСКИЙ

РУССКИЙ ЯЗЫК XI—XVII вв.

ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ КУРСА ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.
163760

ИЗДАНИЕ ПЕДИНСТИТУТА И ИПККНО

Архангельск
1935 г.

Напечатано в типографии АЛТИ, г. Архангельск,
Петроградский, 13-д.

I. Общие замечания об изучении истории русского языка

Наши старые историки русского языка ставили своей задачей изучение изменений языка во времени. С этой целью они брали явления языка, главным образом письменного, и разносили их по историческим эпохам, т. е. ограничивались констатированием фактов. Вопроса же о причинности языковых изменений они почти не касались или если и касались, то давали об'яснения недостаточные или даже неверные. Так А. И. Соболевский, этот самый выдающийся знаток древнерусских письменных памятников, во введении к курсу своих «Лекций по истории русского языка» наличие изменений в истории языка об'ясняет теорией о неточном усвоении детьми речи родителей. По этому вопросу он писал в 1907 г. так: «Причины звуковых изменений в языке мало ясны. Наблюдаемая разница языка у старшего поколения в селе, с одной стороны, младшего, с другой,—позволяет догадываться, что большая часть изменений происходит при усвоении детьми речи родителей. Как известно, дети лишь постепенно усваивают родительскую речь и то не все. Часть детей превращается во взрослых, удерживая большее или меньшее количество особенностей детского произношения (картавят, шепелявят и т. п.). Если в селе все дети близкого возраста, постоянно общаясь между собой, усваивают одну и ту же звуковую особенность и потом, выросши, сохраняют ее и передают следующему поколению, то получается звуковое изменение в языке данного села» (Лекции, введ., изд. 1907 г., 4 стр.).

Эти слова показывают, что действительная причина изменений для Соболевского неясна, но вероятнее всего, по его мнению, тут виноваты дети: они мол, неверно усвоили речь от старших и сами неверное произношение передали своим детям. Соболевский не понимал того, что язык создается трудовым коллективом общества и, согласно учению марксизма-ленинизма, представляет собою идеологическую надстройку, в своем развитии зависящую от социально-экономического базиса и взаимодействия других надстроек. Не знал он также,

да, впрочем, и не мог знать в 1907 г. результатов исследований Н. М. Каринского о фактах и причинах изменений в говорах крестьян бывшей Тульской губернии. Н. М. Каринский на многочисленных примерах доказал, что фонетические изменения в говорах крестьян б. Тульской губернии зависят от взаимоотношений социально производственных групп населения. Для большей убедительности к сказанному приведу примеры из статьи Каринского «За историзм науки о языке». Здесь он пишет: тверские кузнецы Васильевского района, окруженные акающими говорами с трех сторон, сохраняют в продолжение 300 лет цоконье и оканье. Их производство требует подготовленных работниц в кузницу, и они брали их почти исключительно из своего цокающего кузнечного района. Характер производства заставляет эту группу замыкаться даже в отношении подбора работниц семьи. Отсюда их языковой консерватизм. Еще пример: в 1903 г. крестьяне, по профессии ткачи-кустари, из деревни Вавилово Броницкого района, своим цоканьем и неумеренным аканьем возбуждали сплошные насмешки окрестного населения. Соседи про их говор острили так: „Там не бают, по собацьи лают". В 1929 г. картина уже иная: деревня Вавилово в отношении говора оказалась передовой—элементы литературного языка вытеснили старину. Крестьяне уже в зрелых годах в известной мере переучивались и изменяли свой язык. Причина изменения говора—построилась фабрика, и крестьяне, бывшие кустари, стали рабочими, а их деревня превратилась в рабочий поселок. Так Н. М. Каринский на ряде конкретных примеров из русской диалектологии показывает нам ту ныне общеизвестную истину (для А. И. Соболевского—неясная проблема), что изменения в языке обусловлены экономическими предпосылками и социально-производственными взаимоотношениями групп населения.

На основании изложенного с взглядами А. И. Соболевского на задачи истории языка мы согласиться не можем. Вместо простого констатирования фактов языка в хронологической перспективе, мы выдвигаем иное понимание целей истории языка, а именно: история языка, как и всякая историческая наука, имеет своей задачей не только изучение основных этапов развития русского языка, но и показ общественно-экономической обусловленности этих этапов в обстановке классовой борьбы.

Далее, в курсе своих „Лекций по истории русского языка" А. И. Соболевский смотрел на язык, как на замкнутую монаду. Русский язык, по его мнению, самобытен: он развивался и развивается исключительно по своим внутренним, прирожденным именно ему, русскому языку, законам, и никаким влияниям со стороны соседних языков подвергаться не может. Поэтому

финская кровь, писал Соболевский, входившая в обилии в течение веков в северо-восточную часть русского населения, не сделала русских северян ни финнами, ни финно-руссами. „Она (кровь) не оказала ни малейшего влияния на единство русского языка. Кроме нескольких слов ...финны не внесли в русский язык ничего". (Лекции, введ., стр. 1). Такое заключение показывает, что Соболевский в своих методологических предпосылках стоял на точке зрения „расовой теории", т. е. в данном случае — считал финнов от природы народом бедно одаренным и потому не мог допустить в них способности внести в общую сокровищницу культуры и языка хоть что-нибудь ценное. Находясь под влиянием такой предвзятой идеи, Соболевский в политическом отношении вольно или невольно служил интересам эксплоататоров трудящихся, оправдывая господство империалистических держав над малыми народностями. Соболевский забыл, что русский язык на протяжении своей многовековой истории воспринял от своих соседей много фонетических, морфологических и лексических особенностей не только от культурно более или менее высоких народностей, как древние греки, но и от таких малокультурных, как хозары, татары и т. д. Он совсем опустил из виду, что и финны внесли в русский язык, кроме «нескольких слов», как: нарты, сани, лабаз, мыза, рига, курья, пельмени, гагара, сорога, камбала, салакуша,—еще весьма большое количество слов, обозначающих названия рек, озер, возвышенностей и селений, напр.: Кама, Ока, Москва, Мста, Вологда, Онега, Вага, Пинега, Сылва, Мансельке, Няндома, Сума, Варзуга и т. д. Таким образом, отрицать со стороны финнов и русских обоюдостороннее языковое влияние нельзя. Далее, недопустимо также относиться к нашим корелянам, коми, лопарям, как к народам от природы бедно одаренным и не считать их способными к культурно-созидательной деятельности вообще и к языкотворческой—в частности. Теперь мы знаем, что культурная отсталость языков малых народов об'ясняется не наличием тех или других природных способностей племен и народов, а географическими и историческими условиями их бытия. Карл Маркс писал, что „наиболее развитые языки имеют законы ...общие с наименее развитыми языками" („К критике политич. экономии", издание 1931 г., стр. 53). Это значит, что все языки, более разработанные и менее разработанные, переживают один и тот же языкотворческий процесс и разнятся друг от друга только тем, что в силу особых территориальных и исторических особенностей, каждый в отдельности стоят на разных ступеньках своего роста. Для нас нет сомнения, что на малые народности, в том числе и на финские группы, как корелы, лопари, коми, так мрачно смотреть нельзя, как смотрел Соболевский. Мы увере-

ны, что народы: коми, корелы, лопари и т. д., будучи поставлены Октябрьской революцией 1917 г. в надлежащие условия, сумеют провести свои языки по тем же стадиям развития, по каким шел и идет русский язык. Все изложенное показывает, что Соболевский в своем взгляде на исключительную самобытность русского языка неправ.

Еще далее, наши ученые буржуазной эпохи в своих курсах по истории русского языка обычно излагали только историю звуков и форм, т. е. фонетику и морфологию. Такова, например, история языка у Соболевского, Дурново, Будде. Что же касается синтаксиса и семантики, то эти отделы в прежних трудах почти не освещались. Все это у названных историков происходило по той причине, что они отрывали форму от содержания: они изучали форму постолько, посколько она проявляется в письменных памятниках и забывали о том, что форма едина с содержанием. Нам же необходимо попытаться изучать явления русского языка в единстве значения и формы. Нам нужно научиться рассматривать факты языка в процессе их развития, в динамике, помня, что каждый этап жизни языка содержит в себе элементы предшествующего этапа и творит зародыши последующего.

Наконец, те же ученые по вопросу о развитии русского языка стояли на точке зрения Шлейхера. Они думали, что человеческий язык идет от единства к множеству и что, в частности, русский язык растет по типу родословного дерева: сперва, мол, существовал единый русский праязык, потом он распался на наречия, наречия, в свою очередь, дробятся на говоры и т. д. Эта теория неверна. Теперь мы знаем, что человеческий язык движется в своем развитии не в сторону дифференциации, а, наоборот, в сторону унификации. Ф. Энгельс в своем трактате „О происхождении семьи, частной собственности и государства" писал, что путь образования нации идет от развития производственных коллективов дородового общества к образованию матриархата, потом—патриархата, далее—к образованию племен, из племен—союза племен и, наконец, из союза племен—нации. Далее, в «Немецкой идеологии» К. Маркс и Энгельс учили, что развитие национальных культур идет в сторону их об'единения в общую мировую социалистическую культуру. Оба эти высказывания Ф. Энгельса и К. Маркса о движении национальной культуры приложимы и к языку. Язык, как и нация, тоже историческая категория и создается, в качестве идеологической надстройки, трудовым человечеством в процессе его культурного и общественного роста. Академик Н. Я. Мар—после изучения многочисленных лингвистических материалов—установил, что „путь человеческой речи идет от многоязычия к единому языку". И. В. Сталин еще более уточнил этот вывод: „Я

всегда держался и продолжаю держаться того ленинского взгляда, что в период социализма в мировом масштабе, когда социализм окрепнет и войдет в быт, национальные языки неминуемо должны слиться в один общий язык, который, конечно, не будет ни великорусским, ни немецким, а чем то новым". Наш русский язык из общих норм единого глоттогонического процесса—не исключение: значит, и он в своем самодвижении переживает процесс не раздробления, а схождения. В фактах диалектов языка мы видим процесс об'единения, унификации.

2. Проблема образования восточнославянских языков и их связи с инославянскими языками.

Все языки земного шара, согласно выводам академика Н. Я. Марра, развиваются стадиально, скачками и по одним и тем же языкотворческим законам. Русский язык, разумеется, исключения из единого глоттогонического процесса не представляет. Он подвержен действию тех же закономерностей, что и все остальные языки мира.

Было время, когда не только в Восточной Европе, но и нигде на нашей планете не существовало ни русского, ни славянского, ни финского языков. Первоначально появился язык ручной. Его создала какая-то первобытная трудовая группа. Намек на факт переживания нашими отдаленными предками кинетического языка можно видеть в таких словах, как у к а з а т ь, п о к а з а т ь, т. е. протянуть руку; и украинском слове «к а з а т ы». Со временем, по требованию экономического, технического и идейного роста первобытной производственной группы, кинетический язык перешел на ступень звукового языка. В эпоху творчества раннего языка, учит Н. Я. Марр, производственных групп было много и, значит, существовало много примитивных звуковых языков. Потом, с дальнейшим эволюционным и революционным ростом трудовых общественных об'единений первобытный звуковой язык—путем скрещения то с тем, то с другим и т. д. языком—последовательно пережил несколько фазисов своего развития, пока достиг стадии родового языка. Позволительно думать, что на этапе от родового языка к племенному, опять в результате скрещения каких то двух древних языков, родился язык славянский. С. Н. Быковский в своей работе „Яфетический предок славян—киммерийцы» писал: «славянские языки... сложились в результате ряда скрещений... в эпоху, предшествующую образованию племен». В итоге скрещения каких именно родовых языков родился славянский язык—мы не знаем. Это пока проблема. Первую попытку разрешить эту проблему сделал вышеупомянутый С. Н. Быковский. В своей книге «Яфетический предок славян—

киммерийцы», основываясь на данных палеонтологического анализа ряда пережиточных слов, он получил о ближайших к нам предках языка такой вывод: тавры—киммерийцы—славяне.

Немного позднее, в своем втором исследовании „Днепр—Березина—река иберов" Быковский дошел до постановки вопроса о кимерах, как общих предках русских и финнов. Такая догадка Быковского, по свидетельству Н. Я. Марра, находит подтверждение в палеонтологически вскрытой новым учением об языке общности у финнов с русскими слов древнейшего состава звуковой речи, в том числе слов: собака, глаз, слеза.

Такова первая попытка решить проблему образования славянских языков и связи их с инославянскими языками в свете единого языкотворческого процесса. Насколько правильно решена эта проблема – сказать трудно; сравнивать выводы Быковского пока не с чем. Но для нас совершенно ясно то положение, что русская народность, а вместе с нею и русский язык в прошлом складывались путем разнообразных скрещений и что не учитывать финские, скандинавские, половецкие, хазарские, татарские и иные встречи совершенно невозможно. Все эти встречи несомненно действовали как на изменение антропологического типа славянина, так и на языки скрещивающихся сторон.

3. Источники для истории русского языка

Источники для истории русского языка можно разделить на три разряда, а именно: живые говоры современного русского языка, книги и грамоты древней письменности и свидетельства современников древности.

а) Живые говоры современного русского языка. Русский язык, живущий в устах рабочих, колхозников, кустарей и проч., на территории СССР далеко не однороден. В разных районах республики он имеет много различий как в фонетике и морфологии, так в синтаксисе и семантике. Совокупность особенностей языка какой-нибудь местности называется говором, или по-иностранному—диалектом. Современные русские говоры принято делить на три группы: русские белорусские и украинские.

Русские говоры, в свою очередь, разделяются на две группы: северные, или окающие, и южные, или акающие.

Северные говоры бытуют в северных и приволжских районах Европейской части СССР и в Сибири. Главнейшими отличительными особенностями северных говоров являются следующие:

1. Оканье. Оканьем называется особенность языка, которая заключается в ясном выговоре звука О. В литературном языке звук О произносится отчетливо только в слоге под ударением: мост, лошадь, стол. Безударное же О произносится почти как А: Масква, даска. Но северные жители ясно произносят звук О и в тех случаях, когда на него ударение не падает: МОсква, дОска. На этом основании про русских северян говорят, что они окают, а говор их называют окающим.

2. Звук Е в ударенном слоге довольно часто произносится, как И: звирь, сивер, медвить (медведь), вмистях, замитить (заметить), стинь (тень), на синях (в сенях) и т. д.

3. Звуки Ц и Ч произносятся мягко и смешиваются один с другим: риць (речь), туця (туча), руцей (ручей), цигун (чугун). Такое смешивание Ц с Ч характерно для районов: Архангельского, В.-Тоемского, Черевковского, Тотемского, Шенкурского, Пинежского, Мезенского.

4. Звук Г произносится на севере, как взрывной: город, порог; в конце слова он очень часто переходит в глухой К: пирок (пирог), порок (порог).

5. Форма родительного падежа единственного числа муж. и средн. рода имен прилагательных и местоимений оканчивается на ВО: красново, синево, ево, тово, твоево.

6. Окончание 3 лица единств. и множ. чисел от глаголов настоящего времени имеет Т твердое: идет, идут, несет, несут, ведет, ведут. В некоторых случаях Т отпадает: иде, несе, веде. Кроме того, в некоторых местностях в глагольном окончании 3 лица настоящего времени наблюдается выпадение звука Е: играт, думат, вместо: играет, думает. (См. прилож. № 1).

Южнорусские говоры имеют следующие отличительные черты.

1. Аканье. Аканьем называется особенность языка, состоящая в произношении неударяемого звука О, как А: вада, Масква, даска, акно, харашо. Говоры, в которых неударенное О произносится как А, называются акающими, и про южнорусов говорят, что они акают.

2. Звук Е, если на него не падает ударение, произносится как Я или А или даже как И. Так вместо слов: перо, река, несу, везу, меня—говорят: пяро, ряка, нясу, вязу, или как: пиро, рика, нису, визу, миня.

3. Звук Г произносится в акающих говорах, как длительный: благо, другой.

4. Звуки В и У в некоторых районах смешиваются: узял, вкрал — вместо: взял, украл.

5. Форма родит. падежа единств. числа муж. и средн. рода имен прилагательных и местоимений оканчиваются во многих южно-русских говорах на ГО, ГА: добрага, синяга. Но в ряде

других говоров эти же формы слышатся как ВО, ВА: добраво, синява.

6. Окончание 3 лица единств. и множ. чисел глаголов имеет на конце ТЬ: несеть, идеть.

Белорусские говоры занимают территорию БССР и соседние с востока и запада районы РСФСР. Главнейшими отличительными особенностями белорусских говоров являются:

1. Дзеканье, т. е. произношение звука Д, как ДЗ: адзин (один), дзевер (деверь), хадзи (ходи), людзи (люди).

2. Цеканье, т. е. произношение звука Т, как Ц: цетка (тетка), ацец (отец), цяпло (тепло), цеста (тесто).

3. Звук Р произносится твердо: гавару, румка, бура, гразь — вместо северно-русских: говорю, рюмка, буря, грязь.

4. Звуки В и У смешиваются: усе (все), дзеука (девка), удава (вдова), вмею (умею).

5. Звук Л — твердый — перед согласными и в конце слова произносится, как краткое У: воук (волк), узяу (взял), знау (знал).

6. Аканье: хадзи (ходи), адзежа (одежда).

7. В белорусских говорах сохраняется древнее смягчение заднеязычных согласных звуков Г в Ж и З, К в Ч и Ц, Х в Ш и С: памаж (помоги), на дарози (на дороге), испячы (испеки), на руце (на руке), на сасе (на сохе).

8. Сохраняется звательный падеж: воуче (волк), коню.

9. Окончание 3 лица глаголов настоящего и будущего времени оканчивается на ЦЬ, идуць (идут), крыциць (кричит).

Неопределенное наклонение глаголов оканчивается на ЦЬ и ЦЦА: ходзиць (ходить), прызнацца.

Украинские говоры занимают юго-западное положение к русским и белорусским говорам. Эти говоры отличаются следующими чертами:

1. Звуки И и Ы произносятся во многих районах Украины как северно-русское ы: лыхо, тыхый (лихЪ, тихий).

2. Согласные перед звуком Е произносятся твердо: дэнь, сэло, вэду, вместо северно-русских: день, село, веду.

3. В таких словах с О и Е, как нос, двор, печь, в которых О и Е не беглые звуки, в украинском говоре эти О и Е обычно переходят в И, но только в закрытых слогах, т. е. оканчивающихся на согласный звук, например: вол, дверь. Но в этих же словах, если слоги делаются открытыми (т. е. оканчиваются на гласный звук), О или Е восстанавливается:

Слог закрытый	Слог открытый
вил	вола
двир	двора
пичь	печи
нис	носа

силь	соли
снип	снопа
нижка	ножка

Но подобное произношение распространено не везде. В северных районах Украины О и Е в таких случаях заменяются не И, а УО или ИЕ: куонь, нюос, вуол, пиечь.

4. Звуки, которые в прежнее время обозначались на письме буквой ять, в большинстве южных районов произносятся, как И: цвиток, лис, ричка, дид, обид, винок, тило. В северных же говорах Украины этот звук произносится, как ИЕ: обиед, диед, лиес, биег, цвиеток.

5. Звуки В и У смешиваются один с другим: вдарил (ударил), у село (в село).

6. Звук Л перед согласными или в конце слова произносится, как У краткое: ходиу, воук (ходил, волк).

7. Формы 3 л. ед. числа глаголов первого спряжения оканчиваются на Е: несе, бере, веде.

8. В спряжениях глаголов существует особая форма будущего времени — с окончанием на ИМУ: ходитиму (из ходити иму, т. е. ходить имею). Но наряду с этим существует и форма: буду ходить.

9. В украинских говорах, как и в белорусских — сохранилось смягчение заднеязычных согласных Г, К, Х: на дорози дви мусци и форма звательного падежа: мамо, сынку, жинко.

б) Книги и грамоты древней письменности

Книги и грамоты древней русской письменности имеют меньшее значение для истории языка, чем свидетельства современных живых диалектов по трем причинам. Во-первых, книги и грамоты, исключая несколько договоров с греками, появились на Руси только в XI в., между тем как данные современных живых говоров, добываемые ныне методом палеонтологического анализа, позволяют проникать в гораздо более отдаленные от нас времена. Во-вторых, показания рукописных памятников скудны: в письменности отразились не все тогдашние говоры. Особенности живых диалектов XI в. с трудом проникли в письменный язык, бывший тогда языком господствующего класса и по происхождению древне-болгарский. По приходе на Русь этот язык стал языком русского господствующего класса, и школой переписчиков тщательно оберегался от вторжения в него живых элементов местного языка. Мы знаем, что ранние русские писцы смотрели на свое занятие, как на „душеспасительное дело“ и потому, переписывая книги, из уважения к религиозному содержанию, старались сохранить не только текст подлинника, но и орфографию. Но тем не менее, списывая с оригинала, они невольно вносили черты рус-

ского языка. В третьих, свидетельства памятников не отражают или, в лучшем случае, недостаточно отражают современную им языковую действительность, так как болгарский алфавит не был приспособлен к точной передаче звуков русского языка XI в.

Памятники киевского письма по своему языку можно разделить на две группы: а) памятники, написанные на древнеболгарском или, иначе сказать, на древнем церковно-славянском языке, в котором изредка пробиваются черты господствующего диалекта русского языка и б) памятники, написанные на разговорном русском языке, так называемом — канцелярском, деловом языке. К первой группе относятся главным образом книги религиозного содержания: евангелия, апостолы, псалтыри, минеи, прологи, жития святых, нотные книги и проч. За период времени с XI до XV в., по подсчету А. И. Соболевского, перечисленных книг до нас дошло более 500 экземпляров. К второй группе, наоборот, принадлежат памятники светского характера, а именно: исторические, юридические, художественные, публицистические, бытовые и проч. В частности: летописи сохранились в следующих наиболее древних рукописях: в Лаврентьевском летописном своде 1377 г. (сюда входят летописи: Несторова, киевская, суздальская) и в синодальном списке первой половины XIV в. (Новгородская). Из юридических памятников—„Русская правда" от XIII в. Грамот сохранилось около 150.

Во времени древние письменные памятники располагаются так:

Из рукописных книг XI в. значительную ценность с точки зрения языка имеют: Остромирово евангелие, написанное в 1056—1057 году дьяконом Григорием для новгородского посадника Остромира; два сборника Святоглава, написанных в Киеве в 1073 и 1076 гг.

Из памятников XII в. следует обратить внимание на две грамоты: великого князя Мстислава Владимировича Новгородскому Юрьеву монастырю 1130 г. и вкладную старца Варлаама Хутынскому монастырю 1192 г.

Из грамот XIII в. ценны: договорная запись смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригой и Готским берегом 1229 г. и договорная грамота Новгорода с князем Ярославом Ярославичем 1264—1265 г.

От XIV в. грамот сохранилось много, но из них особого внимания заслуживает одна, как самая древняя московская запись, именно: духовная Ивана Калиты 1328 г.

в) Свидетельства иностранцев

Для историка языка полезно также обратить внимание на свидетельства иностранных писателей о славянах вообще и о

России в частности. Эти свидетельства иногда дают историкам материал для выводов о языке, современном этим свидетельствам, например: об отдельных словах, собственных именах, терминах и пр.

Согласно скудным записям иностранцев, славяне на исторической арене появились поздно. Самые древние упоминания о них исходят от греческого историка Геродота, жившего в 484—425 г. до нашей эры. Геродот в своей истории писал, что на севере от скифов, занимавших низовья Днестра, Буга, Днепра и Дона, жили племена не скифские. Одно из этих племен он назвал невры. Если это греческое имя передать славянскими звуками, то получится нуры, имя племен, обитавших по Бугу, Нурцу и Нареву, в земле, которая много позже в польской науке стала известна под именем Нурской территории. Надо полагать, что невры или нуры были славяне, так как в этом месте «искони было славянское население». Славянами же были будины, которых Геродот называет голубоглазыми и помещает в соседстве с нурами, при чем отмечает, что территория нуров простиралась „до лесистой страны, богатой выдрами и бобрами". Эта страна—по реке Припяти, притоку Днепра, где также „искони жили славяне".

Более ясные известия о славянах появляются значительно позднее, именно: в первом столетии нашей эры, когда римляне прочно утвердились в Германии и узнали через германцев о существовании славян. Раннее латинское указание на славян мы имеем от Плиния Старшего (умер в 79 г.), который писал, что по правую сторону Вислы живут разные народы, и в их числе венеты. О тех же венетах несколько времени спустя упоминает и Тацит. После Тацита имя славян упоминают многие писатели классического мира, напр.: Клавдий, Птоломей и др.

Самое слово „венеты" показывает, что первоначальные сведения о славянах древние историки получили от германцев, которые «венетами» или «вендами» называли своих восточных соседей. Еще и теперь германцы называют вендами славянское население в Лужицах, вендами же называют славян, живущих в Хорутаннии, Крайне и Истрии. Под именем вендов известны также и прибалтийские славяне. Некоторые историки славян называли «антами и склавинами» (Иорнанд VI). Сами себя славяне называли славяне или словене.

Несколько более поздние свидетельства идут от арабских писателей IX в. и от византийского императора Константина Багрянородного от конца X в. Арабские историки сообщили нам некоторые сведения о бытовых особенностях славян и о их торговле с востоком. Так они в живых картинах оставили нам описание погребения богатого русса, русского купца, торгующего челядью на Волге и дальше на востоке и бытовую за-

рисовку умывания семьи из одного таза. Константин Багрянородный рассказывает о поездках русских князей на «полюдье», называет имена русских племен, названия городов, днепровских порогов и т. д. Позднее имеются свидетельства западных писателей.

Материал, заключающийся в записях иностранцев, по словам Н. Дурново, очень скуден и по качеству уступает сведениям, получаемым из собственно русских письменных источников. Кроме того этот материал очень неточен, потому что русские слова иностранными писателями в их произношении очень сильно изменяют свой звуковой состав. Так например, Константин Багрянородный наименования порогов Днепра—Неясыть и Вольный праг—передал в своей огласовке: Неасит и Вульнипрах.

4. Образование Киевской Руси

Киевскую Русь населяли главным образом славяне. „Повесть временных лет" говоря о начале русской земли перечисляет племена восточных славян и указывает, где обитало каждое из них. Так на западном берегу среднего Днепра поселилось племя п о л я н; к северо-западу от них, по южным притокам Припяти, сидели д р е в л я н е; против полян, на восточном берегу Днепра, по Десне и Суле, жили с е в е р я н е; в соседстве с ними к северу, по притоку Днепра Сожу обитали р а д и м и ч и; а к востоку от них, по верхней Оке—в я т и ч и; на верховьяи трех рек: Днепра, Западной Двины и Волги сидели к р и в и ч и; к юго-западу от них в болотах и дремучих лесах, между Припятью и Западной Двиной—д р е г о в и ч и.

Лингвистические данные указывают нам, что все перечисленные славянские племена исстари были народом промысловым и что их промыслы были главным образом лесные и земледельческие. Слова «п ч е л а, м е д, у л ь и» одинаково звучат по всей изучаемой территории и это доказывает нам, что бортничество было важным занятием славян. Но кроме бортничества восточные славяне занимались земледелием, скотоводством и охотой Они уже знали металлы. На все это опять имеем лингвистические доказательства в виде слов: пшеница, ячмень, рожь, овес, жито (хлеб), брашно (кушанье); мотыка, орало, соха, серп; орать (пахать), сеять, боронить; нива, жатва; мельница; пиво, мед; сеть, тенета, лов; бык, корова, овца, конь, воз, ось, колесо; лен, конопля; портно (полотно); лук, стрела, нож, копье, броня, щит; дом, дверь, окно; печь, стол, лавка; двор, ведро, чаша, корыто; олово, железо; молот, ковать; мена, продажа. Слова «м е н а» и «п р о д а ж а» намекают нам на то,

что восточные славяне издавна знали, что такое товар и торговля. И действительно, это верно: восточные писатели IX и X в. свидетельствуют, что в то время русские купцы торговали собольими, беличьими и другими мехами и в погоне за покупателем доходили до самого Багдада (Ибн-Даста, Ибн-Фоблан). Но говоря о торговле, не надо думать, что это была большая торговля. Нет, купец того времени похож был на «коробейника», в лучшем случае, умещавшего свой товар на один воз.

Киевская Русь лежала на пути из „варяг в греки", а именно: путь шел из Балтики в Черное море—по Неве, Ладожскому озеру, Волхову, Ильмень-озеру и Ловати; потом «волоком» до верховья Днепра и Днепром вниз до моря. Одновременно с этим Балтийское море связывалось с Днепром иначе: через Западную Двину с Припятью. Кроме того, Днепр связывался с Волгой: Десной, через волок, в Оку. Таким образом Русь XI в. оказалась на перекрестке четырех торговых дорог: с одной стороны, между греческим югом и варяжским севером, а с другой—между арабским востоком и немецким западом.

Наличие природных богатств в славянской земле и удобные пути для экспортирования товаров во всех четырех направлениях очень рано привлекли на Русь толпы вооруженных варяжских дружин. Начальная летопись свидетельствует, что уже в IX в. все восточно-славянские племена одно за другим подчинились варяжским князьям. Она сообщает, что уже тогда по всей территории возникли варяжские княжества. Опорой князей были дружины, или отряды витязей. Слова «князь» и «витязь» родились от скандинавских слов: «конунг» и «викинг» (Н. М. Покровский). Первый варяжский князь был Рюрик. Он княжил в Новгороде. Вскоре после этого Олег с дружиной спустился по Днепру и захватил Киев. С этого времени и север и юг очутились в руках варягов. Во главе всей русской земли стали варяжские князья со своими дружинами. Так образовалась Киевская Русь.

5. Культурно-экономические отношения Киевской Руси с греками

Организующая роль киевских князей была направлена главным образом на сбор дани с подвластного им славянского населения и на налаживание торговли продуктами дани с Византией. Киевские князья одновременно были и купцы. В течение осени и зимы они ежегодно собирали много мехов, кож, меда, воска и весною все это отправляли в качестве товара по Днепру и Черному морю в Царьград. Но самым ценным товаром киевских князей на цареградском рынке были рабы и ра-

быни. Киевские князья спекулировали на продаже рабов и рабынь.

В связи с успехами торговли отношения киевских властителей к грекам были двоякие: они то мирно торговали, то ходили на них войной, надеясь силой оружия добиться наиболее выгодных торговых договоров. В результате этих отношений князья должны были признать превосходство византийской культуры и мало-помалу подчинились ее влиянию. Так, вдова Игоря княгиня Ольга, ездила в Царьград, видела там роскошь двора, торжественные приемы, слушала пение в знаменитом Софийском соборе и осталась надолго под впечатлением виденного и слышанного. Несколько времени спустя князь Владимир киевский, вместе с верхним слоем общества, подчинился влиянию греческой культуры, приняв оттуда христианскую веру. Факт принятия новой веры в ту отдаленную эпоху несомненно был для господствующего класса киевского общества крупным шагом вперед. Только с этого момента для киевлян открылись перспективы более ускоренного книжного просвещения, открылся более короткий путь к науке. Но момент принятия русскими новой культуры совпал с моментом обострения борьбы между главками восточной и западной церквей: между константинопольским патриархом и римским папой. В это время греческие епископы и подчиненное им духовенство усиленно пропагандировали мысль о впадении западных народов в ересь. На этой почве очень скоро в глазах русских книжников возникла и укрепилась идея «о поганых латынянах», со временем перешедшая в недоверие ко всему западному: к науке, искусствам, укладу жизни.

Но греческое влияние мало проникало в массу населения. Крестьяне и рабы попрежнему оставались «варварами». Насколько неглубоко проникла греческая религия в массу, видно из того, что даже дружина князя не оставила старой славянской религии: она, в лучшем случае соединила вместе обе веры языческую и христианскую. В результате получилось своеобразное двоеверие: старые славянские боги почитались под именем христианских святых: Перун слился с пророком Илией, Велес—с Власием, Хорс—с Георгием. Старые славянские праздники тоже уцелели, только их приурочили к христианскому календарю: зимний праздник рождения солнца, Коляды, слился с праздником рождества, летний праздник купалы об'единился с днем Ивана Крестителя. Крестьянские же массы и рабы—были еще дальше от христианства.

6. Культурные отношения с Болгарией

Первые киевские князья с Византией вели торговлю морем, каждый раз рискуя потопить свои товары в черноморской пу-

чине. Князь Святослав решил первый проложить путь в Царьград берегом и с этой целью вооруженной рукой захватил Болгарию. „Болгария", говорил он, середина земли моей, сюда со всех сторон свозят все добро: от греков—золото, ткань, вина, разные овощи: от чехов и венгров—серебро и коней; из Руси—меха, мед, воск, рабов". Но остаться в Болгарии ему не удалось: греки выгнали его скоро оттуда.

Но путь, проложенный Святославом из Киева в Болгарию, не был забыт. По этому пути пошла торговля с болгарами и по этому пути пришли в Киев болгарская грамотность, искусства и в болгарских переводах византийская литература, а именно: книги религиозные и частью светские, например: художественные, исторические и юридические.

То обстоятельство, что киявляне получили грамотность и первые книги не на греческом, а на древне-болгарском или, иначе сказать, на древнем церковно славянском языке является очень важным моментом в истории русского языка. Дело в том, что болгарский язык принадлежит к группе славянских языков, и во время первого знакомства русских с болгарскими книгами, т. е. в конце X в., был почти тождественен с языком киевских славян. Любопытно, что составитель начальной летописи, под 898 г. записал: «Словеньскии язык и русскии одно есть». Но в действительности отождествлять русский язык с древним церковно-славянским нельзя. Защитники тождества этих языков: Шишков, Калайдович, Давыдов, Погодин, Павский и Катков, потерпели поражение.

Но здесь при исследовании вопроса о влиянии древнего церковно-славянского языка на русский язык прежде всего следует ответить на вопрос: занесен ли к нам древне-болгарский язык, как мертвый книжный язык, или болгарские выходцы, доставившие к нам книги, сами научили русских читать по ним и произносить буквы по-своему. Думается, что правильнее допустить то и другое. С одной стороны, на Русь пришли книги и они остались подлинными источниками и образцами для будущих русских книг: русские, даже не знавшие живого болгарского языка, научившись предварительно грамоте, могли их понимать, но, читая их, они держались киевского произношения. Так буквы юс большой и юс малый соответствующие русским буквам У и Я, они произносили, как У и Я, и в своих копиях писали, вместо юсов У и Я. Но, с другой стороны, первое поколение русских книжников и грамотеев находилось под непосредственным влиянием болгарских учителей, научивших их читать по церковнословянски. Весьма вероятно, что тогдашнее русское духовенство произносило буквы болгарских книг, сообразуясь с произношением своих настав-

ников. и некоторые особенности усвоенного ими выговора переходили впоследствии из поколения в поколение. Так, в северных говорах до последнего времени старое (церковнославянское) ударенное Е произносят, как простое Е, не изменяя его в (О), например: пещера.

Но древний церковно-славянский язык проник к нам не только через религиозные книги. Вслед за болгарским духовенством на Русь нахлынули и другие елементы. Эти последние принесли с собой множество апокрифических произведений устного и письменного творчества как южного славянства, так и греков, которые скоро сделались достоянием русских народных масс. Я думаю, что именно этим путем, через эти произведения язык русской крестьянской массы в ряде районов насытился такими церковно-славянскими словами, как: „обиждать, урождай, рожду, проклаждаться".

7. Первая славянская азбука

Первую славянскую, точнее сказать, первую древне-болгарскую азбуку составил ученый философ из г. Солуни Константин, более известный в славянском мире под монашеским именем—Кирилла. Сделал он это по поручению византийского правительства, в целях подчинения беспокойных соседей— славянских пограничных племен—греческому культурному влиянию.

Константин по рождению был грек. Но так как в окрестностях г. Солуны (в Македонии) тогда главную массу населения составляли болгары, то он (Константин) имел возможность изучить славянскую речь болгар. Славянскую азбуку Константин составил, конечно, по образцу своей родной—греческой. Так поступить его побуждали обстоятельства жизни болгар. Дело в том, что славяне, обитавшие не только около г. Солуни, но и в пределах всего Балканского полуострова, находились в стадии налаживания торговых отношений и в то время уже сильно почувствовали нужду в письменности. Один болгарский писатель, черноризец Храбр, живший в X в. оставил очерк «О письменах», т. е. о буквах, и в нем рассказал о том, как была изобретена славянская азбука. В этом очерке он сообщает, что первоначальную азбуку для славян изобрел Константин: „Человеколюбец бог, строя вся и не оставляя человеча рода без разума, но вся в разум приводя и спасение, помиловав род словенский и посла им святого Константина философа... мужа праведна и истинна и сотвори им (славянам) тридесять писмен и осмь, ова убо по чину греческих писмен, ова же по словенсцей речи». Таким образом, Константин в состав славянской азбуки ввел 38 букв: частию греческих и частию не греческих.

Далее, в этом же сочинении Храбр говорит: славяне до того времени „нуждахуся греческыми и римскыми письмены", т. е. за неимением своей национальной азбуки перебивались по необходимости греческими и даже латинскими буквами. Повидимому, они пользовались этими греческими и латинскими буквами при торговых сделках или для записей данного взаймы. Все сказанное Храбром невольно наводит на мысль, что потребность в азбуке прежде всего почувствовал зажиточный слой болгарского населения и что новой азбукой воспользовался господствующий класс славянских племен.

Константин, надо полагать, взяв в основу своей азбуки эту же знакомую передовым балканским славянам греческую азбуку и только приспособил к особенностям славянской речи. Надо полагать, что при практическом, бытовом употреблении греческие буквы имели небрежный характер, например: наклонную постановку, несимметричные части букв, как греческое скорописное письмо IX в. Константин придал буквам прямое положение и стилизовал их в духе увеличения количества симметричных закруглений. Так получилась та азбука, которая называется глаголицей. (См. приложение № 2).

Глаголической азбукой написаны древнейшие памятники болгарского литературного языка, например: Зографское евангелие (в Зографском монастыре на Афоне) и др. Зографское евангелие, как и все древнейшие памятники, писано на пергаменте. Глаголическое письмо в Болгарии очень рано стало выходить из употребления по причине своей трудности. Оно продержалось там X и XI вв., но уже с конца X в., рядом с ним, стало употребляться другое письмо, более простое, так называемое кирилловское. Называется оно так потому, что его составление приписывается Кириллу, т. е. вышеупомянутому Константину, но приписывается ошибочно, неверно.

Сказание о жизни Климента, ученика Константина и его брата Мефодия, написанное на греческом языке, сообщает, что Климент ввел в обиход „более ясные письмена". Нет сомнения, что эти более ясные письмена есть так называемая азбука «кириллица» или, иначе сказать, греческое заглавное письмо, с добавкой недостающих букв из других источников, например: из еврейского алфавита. Таким образом, честь изобретения глаголицы принадлежит Константину из г. Солуни, а честь составления кириллицы — его ученику Клименту. Климентовское письмо оказалось проще и удобнее как для чтения, так и для скорописи и потому скоро вытеснило из Болгарии первоначальное глаголическое письмо. К числу самых древних болгарских документов, написанных кириллицей, точнее — климентовским алфавитом, относятся: а) надпись на надгробном камне от 993 г., б) Сав-

вина книга, т. е. евангелие, переписанное потом Саввой, от XI в. и пр.

Азбука кириллица. В основу кириллицы Климент положил греческий алфавит, откуда им взято целиком 24 буквы. Повидимому, с греческого языка им заимствованы следующие заглавные буквы: А, В, Г, Д, Е, З, И, І, К, Л, М, Н, Кси, О, П, Р, С, Т, У, Ф, Х, Пси, Омега.

Недостающие буквы, т. е. Б, Ж, Ц, Ч, Ш, Щ, Ер (ъ), ерь (ь), Ы, Ять, Ю, юс большой, юс малый, ижица — для звуков, букв у которых не было в греческом алфавите, Климентом частию были придуманы вновь, частию заимствованы из еврейской азбуки.

В интересах понятности к этой азбуке сделаю следующие пояснения:

а) Буква Ер обозначала в древне-болгарском языке глухое краткое О, которое могло стоять, как в конце, так и в середине слов, напр.: сЪнЪ, тЪгда.

б) Буква ерь обозначала в древне-болгарском языке глухое краткое Е, которое точно также могло находиться, как в конце, так и в середине слов: дьнь, отьць.

Звуки, обозначаемые буквами ер и ерь называются глухими. Глухие звуки были не только в древне болгарском языке, но и в старо-русском, именно—в ту пору, когда русские приняли древне-болгарскую грамотность и книги.

в) Буква юс большой обозначала носовое О и произносилась приблизительно как ОН или ОМ: домб (дуб), ронка, (рука).

г) Буква юс малый обозначала носовое Е и произносилась приблизительно, как ЕН: имен (имя), времен (время), наченти (начати).

В ту эпоху, когда русские стали пользоваться древне-болгарской азбукой, т. е. в X столетии в старо-русском языке уже не было носортовых звуков. Вместо носортового ОН (юс большой) был звук У, а вместо ЕН (юс малый) звук Я. Например: вместо болгарских: монж, сонд, зомб по-русски читали: муж, суд, зуб. Вместо болгарских: женти, кленти, наченти—на Руси читали: жати, кляти, начати. На этом основании переписчики и писали вместо юсов русские буквы: У, А, Я. Но иногда под обаянием древне-болгарской письменной традиции, они употребляли старинные юсы, хотя последние читались, как русские У или Я.

д) Буква ять в древне-болгарском и старо-русском языках имела особое произношение, сравнительно с Е Это видно из того, что ранние русские писцы не смешивали этих двух букв, но тем не менее, как произносился этот звук, мы не знаем.

е) Буквы Я, иотированное Е, Ю, юс большой иотированный и юс малый иотированный представляют собою соединение двух

букв; „И“ с точкой с а, е, о, юсом большим, юсом малым. Буква „и“ с точкой (i) обозначала в древне болгарской азбуке тот звук, который в русском алфавите имеет значение „й“, а в латинском—обозначался буквой иот (j). Этот звук называется иотом, а гласные, перед которыми он стоит,—иотованными или иотированными.

ж) Буква Щ в древне-болгарском языке произносилась как ШТ, например свеща (свешта).

з) Буква Е в древне-болгарском, или иначе сказать в древнем церковно-славянском языке никогда не произносилась, как О (ѣ).

и) Буква ОУ обозначала У. Начертание ОУ взято из греческой азбуки.

к) Буквы омега, кси, пси, фита, ижица—взяты из греческого алфавита и у нас редко употреблялись.

Титла и другие значки. В текстах древнего славянского письма мы довольно часто встречаем употребление титл; это значки, говорящие о сокращении слова. Особенно часто под титлами писали слова религиозного стиля. Это последнее получилось в угоду древнему орфографическому правилу: „Все, что свято, то покрыто“, (т. е. под титлой) Все же остальные слова рекомендовалось писать „махом“, т. е. полностью без перерыва.

Кроме титл, были в употреблении и другие надстрочные значки. Все они были заимствованы из греческого языка и часто в славянских рукописях не имели никакого значения.

Буквы служили также для выражения чисел. Когда та или другая буква должна была обозначать число, то над ней ставилась титла.

Летосчисление велось от «сотворения мира», каковое, предполагалось, было за 5508 г. до нашей эры. Почти во всех приписках древнейших книг, когда указывается дата, прибавляется выражение: «(в) лето от сотворения мира». На этом основании, чтобы определить год летописного известия нужно из хронологического обозначения летописи или книги, вычесть 5508 лет. (См. приложение № 2).

8. Фонетические особенности, общие древнеславянскому и старо-русскому языкам

а) Чередование гласных. В древнем церковно-славянском языке мы наблюдаем следующие наиболее частые чередования гласных звуков:

Е—О—Ь: беру—собор—бърати.

рьци—реку—пророк.

О—А: скочити—скакати.

юс малый—юс большой (в русском языке Я—У):

грязнути—груз,
звякнути—звук.

У—О (Ъ): сух—сохнути.

Ь—И: жьдати—ожидати.

б) Смягчение заднеязычных. Как в древне-славянском, так и в старо русском языках заднеязычные звуки—Г, К, Х перед И, ять, Е, иотом, Я—переходили в другие звуки. Таких переходов было два: первое смягчение и второе смягчение:

При первом смягчении задненебные перешли в шипящие, а именно:

Г—Ж: друг—друже.

К—Ч: пеку—печеши,
лик—обличити.

Х—Ш: дух—душе.

При втором смягчении задненебные звуки перешли в свистящие:

Г—З: друг—друзи.

К—Ц: рука—руце (ять).

Х—С: дух—дуси.

Оба смягчения как первое, так и второе произошли гораздо раньше X в.

в) Смягчение З и С. Звуки З и С в соединении с иотом изменились раньше X в., а именно:

З—Ж: вязати—вяжу,
лизати—лижу.

С—Ш: писати—пишу,
носити—ношу.

9. Отличительные особенности старо-русского языка от древне-болгарского в области фонетики

В системе звуков старо-русский язык отличается от древне-славянского в следующем:

а) Отсутствие юсов. В русских письменных памятниках юсы обозначают не носовые звуки (он, ом, ен, ем), а русские У или Я.

Примеры:	Древне-болг. язык	Русский язык
	монж	муж
	зомб	зуб
	домб	дуб
	менсо	мясо
	зенть	зять
	пенть	пять
	вземти	взять
	кленти	клять

б) Полногласие. Полногласие состоит в следующем: когда в древне-болгарском языке, сербском, чешском слышится слог ра, ла, ре, ле, между согласными, а в польском—слог: ро, ло, ре, ле, то в русском языке слышатся два слога: оро, оло, ере, еле между согласными. Проще сказать: полногласие—это появление двух «О» или двух «Е» по сторонам согласных звуков „Р“ или „Л“. Примеры:

Русский язык	Древне-болгарский	Ново-болгарск.	Сербский	Чешский	Польский
борода	брада	брада	брада	brada	broda
ворона	врана	врана	врана	vrana	vrona
горох	грах	грах	грах	hrach	groch
голова	глава	глава	глава	glava	glova
голос	глас	глас	глас	hlas	glos
колос	клас	клас	клас	klas	klos
волос	влас	влас	влас	vlas	vlos
берег	брег	брег	брийег	breg	brzeg
дерево	древо	древо	древо	drevo	drzevo
молоко	млеко	млеко	млеко	mleko	mleko
железа	жлеза	жлеза	жлийезда	zleza	zleza
желоб	жлеб	жлеб	жлийеб	zlab	zlob

в. Постановка глухих перед плавными. В тех случаях, где современный русский язык имеет сочетания ор, ол, ер, ел между согласными (волк, верх) в старо-русском языке были сочетания Ър, Ъл, ьр, ьл, а в древне-болгарском рЪ, лЪ, рь, ль. Примеры:

Древне болгарский	Старо-русский	Соврем. русск. яз.
влЂкЪ	вЪлкЪ	волк
трЂгЪ	тЪргЪ	торг
скрЪбь	скЪрбь	скорбь
чрьвь	чьрвь	червь
врьхЪ	вьрхЪ	верх
жльтыи	жьлтыи	желтый

г. Согласные Ж, Ч на месте древне-болгарских ЖД и ШТ. Следующей отличительной чертой русского языка было наличие Ж и Ч в тех случаях, где в древне-болгарском языке стояли сочетания ЖД и ШТ. Примеры:

Древне-болгарский яз.	Русский язык
рождати	рожать
прихожду	прихожу

вождь	вожатый
одежда	одежда
вижду	вижу
ношть	ночь
пешть	печь
свешта	свеча
хощу	хочу
отвештати	отвечать

д. Начальное О. В русском языке в ряде слов встречаем в начале О, между тем как в древне-болгарском языке было Е. Примеры:

Древне-болг. язык	Русский язык
един	один
езеро	озеро
елень	олень
есетр	осетр
еще	ощо
есень	осень
Евдокия	Овдотья
Евдоким	Овдоким

10. Морфология древнего церковно-славянского языка

Для того, чтобы при дальнейшем изложении курса истории русского языка удобнее было видеть черты сходства и различия между древним церковно-славянским языком, с одной стороны, и старо-русским, с другой — прежде всего познакомимся с формами древнего церковно-славянского языка в том состоянии, в каком он был занесен на Русь в X и XI вв. Сначала посмотрим формы склонения, а потом формы спряжения.

В образования форм в древнем церковно-славянком языке различались три класса склонений: а) именное, по которому склонялись имена существительные, имена прилагательные с кратким окончанием и часть числительных; б) местоименное,—по которому склонялись местоимения и некоторые числительные; в) сложное, — по которому изменяли свои падежные окончания прилагательные и причастия с полным окончанием и некоторые местоимения и числительные.

Чисел в древнем церковно-славянском, а также и в старорусском языках было три: единственное, множественное и двойственное. Формы двойственного числа первоначально служили только для обозначения парных предметов, как: уши, очи, плечи, а потом стали употребляться для обозначения вообще всяких двух предметов, например; две, рыбе.

Падежей в древнем церковно-славянком языке, а равно

и в старо-русском — было семь: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный и местный, соответствовавший нынешнему предложному, но обозначавший место и иногда время без предлога. Кроме того, был еще звательный падеж.

а) Именное склонение.

Имена существительные в древнем славянском и старорусском языках имели пять типов склонения. Разница в типах склонения обусловливалась конечными звуками основы, к которым при изменении слов присоединялись падежные окончания. Вот эти типы:

а) имена типа раб, конь, край.
б) имена типа сын.
в) имена типа жена, земля.
г) имена типа кость, путь.
д) имена типа камы, дитя, слово, мати.

При изучении склонений имен древне-славянского и старорусского языков необходимо считаться с тем, на какой согласный звук оканчивается основа слова: на твердый или мягкий. Надо хорошо усвоить ту особенность, что между окончаниями типов склонений на твердый и мягкий согласный звуки имеются закономерные соответствия.

См. в приложении № 2:

1. Таблица соответствий в окончаниях типов склонений на твердый и мягкий согласный звуки.
2. Склонение типа раб, конь, край.
3. Склонение типа сын.
4. Склонение типа жена, земля.

Склонение имен среднего рода О и Е отличались от склонения имен муж. рода только в именительном, винительном и звательном падежах, а именно: именит., винит., звательный единственного числа: село, поле; именит., зват. множ. числа: села, поля.

В таких именах, как друг, волк, дух согласные Г, К, Х перед ять и И изменялись в З, Ц, С: друзе, волце, дусе; друзи, волци, дуси. Те же самые Г, К, Х, перед Е в зват. падеже переходили в Ж, Ч, Ш, напр.: друже, волче, душе.

Имена существительные, имевшие перед окончанием—„а“ согласные Ш, Ж, Ч, Щ, Ц, склонялись, как земля, так как эти согласные первоначально были мягки, напр.:

И. душа	овца	притча
Р. душя (юс)	овця (юс)	притчя (юс)
Д. души	овци	притчи и т. д.

В таких именах, как слуга, рука, сноха—согласные Г, К, Х перед ять изменялись в З, Ц, С: слузе, руце, сносе.

Формы типа кость, путь

Ед. ч.	И.	кость	путь
	Р.	кости	пути
	Д.	кости	пути
	В.	кость	путь
	Т.	костию	путьмь
	М.	кости	пути
	З.	кости	пути
Дв. ч.	И. В. З.	кости	пути
	Р. М.	костию	путию
	Д. Т.	костьма	путьма
Мн. ч.	И.	кости	путие
	Р.	костии (ьи)	путии
	Д.	костьм	путьм
	В.	кости	пути
	Т.	костьми	путьми
	М.	костьх	путьх

Здесь имена женского рода отличаются от имен мужского рода только в формах творительного падежа ед. числа и именит.—множ. числа.

Формы типа камы, слово, мати

Ед. ч.	И. З.	камы	слово	мати
	Р.	камене	словесе	матере
	Д.	камени	словеси	матери
	В.	камень	слово	матерь
	Т.	каменьмь	словесьмь	материю
	М.	камени (е)	словеси (е)	матери
Мн. ч.	И.	камение	словеса	матери
	Р.	камен	словес	матер
	Д.	каменьм	словесьм	матерьм
	В.	камени	словеса	матери
	Т.	каменьми	словесы	матерьми
	М.	каменьх	словесьх	матерьх

Отличия старо-русского склонения от древне-славянского

Первоначально в русском языке было столько же различных видов склонения, сколько и в древнем церковно-славянском, и в большинстве случаев—такие же окончания. Так, в древне-русских памятниках можно встретить форму творительного падежа множ. числа: м у ж и, п о р т ы, родит. пад. един.ч.: о г н и (огонь, как путь), дат. падеж множ. числа: волком, ко-

стем, местный падеж множ. числа: волцех, костех, дат. и местн. ед. числа: земли.

Вместо юса в окончаниях (жену)—в старо-русском языке издревле было У: ж е н у; вместо Ы после Г, К, Х явилось И (слуги вм. славянского слугы, рукы, сноxы).

Кроме того, в старо-русском языке вместо юса в формах земля (родит. падеж ед. числа, именит. и винит. множ. ч.) и коня (винит. множ.) в русском было ять: земле, коне, овце.

б. Склонения кратких прилагательных

Краткие прилагательные в древнем славянском языке склонялись по формам именного склонения, т. е. по образцам: раб, жена, село или—мягкие, как: конь, земля, поле.

Твердые склонения

Ед. ч.	И.	нов	нова	ново
	Р.	нова	новы	нова
	Д.	нову	нове	нову
	В.	нов	нову (юс)	ново
	Т.	новомь	новою	новомь
	М.	нове	нове	нове и т. д.

Мягкие склонения

Ед. ч.	З.	синь	синя	сине
	Р.	синя	синя	синя
	Д.	синю	сини	сини
	В.	синь	синю	сине
	Т.	синьмь	синею	синьмь
	М.	сини	сини	сини и т. д.

в. Склонения кратких причастий

Ед. ч.	И.	несы	несущи	несы
	Р.	несуща	несущя (юс)	несуща
	Д.	несущу	несущи	несущу
	В.	несущь	несущу (юс)	несущь
	Т.	несущьмь	несущею	несущьмь
	М.	несущи	несущи	несущи
Дв. ч.	И. В. З.	несуща	несущи	несущи
	Р. М.	несущу	несущу	несущу
	Д. Т.	несущема	несущама	несущема
Мн. ч.	И.	несуще	несущя (юс)	несуща
	Р.	несущь	несущь	несущь
	Д.	несущем	несущам	несущем
	В.	несущя (юс)	несущя (юс)	несуща
	Т.	несущи	несущами	несущи
	М.	несущих	несущах	несущих

г. Местоименное склонение

Местоимения личные и возвратные

Ед. ч.	И.	аз	ты	—
	Р.	мене	тебе	себе
	Д.	мне (ми)	тебе (ти)	себе (си)
	В.	мя	тя	ся
	Т.	мною	тобою	собою
	М.	мне	тебе	себе
Мн. ч.	И.	мы	вы	
	Р.	нас	вас	
	Д.	нам	вам	
	В.	ны	вы	
	Т.	нами	вами	
	М.	нас	вас	
Дв. ч.	И. В. З.	на	ва	
	Р. М.	наю	ваю	
	Д. Т.	нама	вама	

Собственно местоименное склонение

Собственно местоименное склонение характерно следующими особенностями: а) окончанием родит. падежа ед. числа на г о; б) окончанием дат. пад. ед. числа муж и ср. родов на м у; в) совпадением окончаний родит. и местн. падеж. множ. числа; так например:

	И.	тЪ (тот)	та	то
	Р.	того	тоя	того
	Д.	тому	тои	тому
	В.	тЪ	ту	то
	Т.	темь	тою	темь
	М.	томь	тои	темь
Множ. ч.	И.	ти	ты	та
	Р.	тех	тех	тех
	Д.	тем	тем	тем
	В.	ты	ты	та
	Т.	теми	теми	теми
	М.	тех	тех	тех

Склонение местоимения И, Я, Е

Ед. ч.	И.	и (он)	я (она)	е (оно)
	Р.	его	ея	его
	Д.	ему	еи	ему
	В.	и	ю	е
	Т.	имь	ею	имь
	М.	емь	еи	емь
Мн. ч.	И.	и	я	я
	Р.	их	их	их

Д.	им	им	им
В.	я	я	я
Т.	ими	ими	ими
М.	их	их	их
Дв. ч. И. В. З.	я	и	и
Р. М.	ю	ею	ею
Д. Т.	има	има	има

д. Сложное склонение

Формы сложного склонения образовались посредством сложения кратких прилагательных, причастий или некоторых местоимений с формами местоимения И, Я, Е, например:

женск. род: добрая + я = добрая.

Но подобное механическое присоединение местоимения к краткому прилагательному возможно было далеко не всегда. В большинстве случаев при соединении местоимения с кратким прилагательным происходили разного сорта звуковые замены. Вот эти замены:

а) Уподобление гласных

1. Ъ, А, О перед И переходили в Ы, а Ь, Я, Е перед тем же И переходили в И:

Ъ + И = ЫИ Ь + И = ИИ
А + И = ЫИ Я + И = ИИ
О + И = ЫИ Е + И = ИИ

2. Е, находясь рядом с гласными: А, ОУ, И, уподобляется им вполне, а находясь рядом с гласными Я и Ю уподобляется им не вполне, а переходит в твердые А, ОУ:

А + Е = АА Я + Е = ЯА
ОУ + Е = ОУ ОУ Ю + Е = ЮУ
И + Е = ИИ

б) Выпадение гласных

1. Е, находясь между двумя гласными, выпадает: нов-ы-ея = новыя.

2. Е выпадает также и при стечении четырех гласных, причем выпадает и еще одна из одинаковых гласных: нов-ою-ею = новою.

в) Выпадение слогов.

Если окончание, состоящее из согласного звука с гласным, полным или глухим (Ъ, ь), одинаково как в кратком прилагательном, так и в местоимении,—то первое из них выбрасывается и затем происходит уподобление гласных, стоящих рядом, например:

нов-Ъмь-имь = нов-Ъ-имь = новыимь
син-яхЪ ихЪ = син-я-их = синиихЪ

Вот образец склонения полных прилагательных:

а) **Твердое склонение**

	Муж. р.	женск. род
Ед. ч. И.	добрЪ-и = добрыи	добра-я = добрая
Р.	добра-его = добрааго	добры-ея = добрыя
Д.	добру-ему = добрууму	добре-еи = добреи
В.	добрЪ-и = добрыи	добру-ю = добрую
Т.	добромь-имь = добрыимь	доброю-ею = доброю
М.	добре-емь = добреемь	добре-еи = добреи
Мн. ч. И.	добри-и = добрии	добры-я = добрыя
Р.	добрЪ их = добрыих	добрЪ-их = добрыих
Д.	добром-им = добрыим	добрам-им = добрыим
В.	добры-я = добрыя	добры-я = добрыя
Т.	добры-ими = добрыми	добрами-ими = добрыими
М.	добрех-их = добрыих	добрах-их = добрыих.

е. **Формы спряжения** (Глагол).

Древний церковно-славянский язык имел весьма сложную систему глагольных форм. В этой системе были формы вида, залога, наклонения, времени, лица и числа. Видов различалось четыре: однократный (крикнуть, дунуть), многократный (кидывать, дирать), несовершенный (ловить, горевать, клевать) и совершенный (пустить, заявить). Залогов было два: действительный и страдательный. Наклонений насчитывалось пять: неопределенное, достигательное, изъявительное, сослагательное и повелительное; чисел три: единственное, множественное и двойственное.

Классы глаголов. Все глаголы древнего церковно-славянского языка, а также и глаголы старо русского языка распадались на два класса: а) глаголы нетематического спряжения, у которых окончания личных форм настоящего времени присоединялись непосредственно к корню и которых было всего пять: есмь, емь, дамь, вемь, имамь; б) глаголы тематического спряжения, у которых перед окончанием личных форм настоящего времени (кроме 1-го лица ед. и 3 лица мн. ч.) являлись гласные Е или И (ведеши, хвалиши). В зависимости от этой особенности в глаголах тематического спряжения следует различать два спряжения: первое с гласным Е и второе с гласным И.

При образовании глагольных форм необходимо уметь различать две основы: основу неопределенного наклонения и основу настоящего времени. Основой неопределенного наклонения принято называть ту часть глагола, которая остается после отбрасывания окончания неопределенного наклонения—ТИ, напр.: писати=писа, нести=нес. Основой же настоящего времени называется форма настоящего времени без личного окончания, напр.: несу=нес, стану=стан, зову=зов, беру=бер.

От основы настоящего времени образовывались: настоящее время, повелительное наклонение и причастия настоящего времени. От основы неопределенного наклонения образовывались аорист, преходящее время, неопределенное наклонение, достигательное наклонение и причастия прошедшего времени.

Настоящее время. Формы настоящего времени тематического и нетематического спряжения, сравнительно с старорусским языком, можно увидеть из следующей таблицы.

Число	Лица	Нетематическое спряжение	Тематическое спряжение	Старо-русское спряжение
Ед. ч.	1	мь	у ю	у ю
	2	си	ши	шь
	3	т	т	ть
Дв. ч.	1	ве	ве	
	2—3	та	ва	
Мн. ч.	1	м	м	м
	2	те	те	те
	3	ут ят ют ят	ут ят ют ят	уть ать ють ять

В форме 2 лица ед. числа в старо-русском языке было окончание ШЬ, вместо древне-славянского ШИ (ср. смягчение С в Ш): несеши—несешь.

Формы 3 лица ед. и множ. чисел в древне-славянском языке имели окончание Т. В старо-русском языке эти формы оканчивались на ть. Так в древне-славянском было: несет, несут, а в старорусском—несеть, несуть. И только с XIII в. в северных рукописях начинают попадаться формы настоящего времени с окончанием на Т твердое.

Образец спряжения в настоящем времени

		Нетематическое			Тематическое
Ед. ч.	1	есмь	дамь	ямь	несу
	2	еси	даси	яси	несеши
	3	ест	даст	яст	несет
Дв. ч.	1	есве	даве	яве	несеве
	2—3	еста	даста	яста	несеста
Мн. ч.	1	есмы	дам	ям	несем
	2	есте	дасте	ясте	несете
	3	сут	дадят	ядят	несут

Будущее время. Древний церковно-славянский язык знал две формы будущего времени: простое и сложное. Будущее простое получалось от глаголов совершенного вида, а сложное от глаголов несовершенного вида.

а) Будущее простое. Это время получалось от глаголов совершенного вида так же, как и настоящее время от глаголов несовершенного вида. Примеры:

	Настоящее вр.	Будущее вр.
Ед. ч. 1	несу	призову
2	несеши	еши
3	несет	ет
Дв. ч. 1	несеве (ять)	еве
2-3	несета	ета
Мн. ч. 1	несем	ем
2	несете	ете
3	несут	ут

Здесь формы настоящего времени от глагола нести и формы будущего простого от глагола призвати—одинаковы, разница между ними только видовая. На этом основании глаголы совершенного вида не имеют настоящего времени, а глаголы несовершенного вида не имеют будущего времени.

б) Будущее сложное. Формы будущего сложного в древнем славянском языке образовались из форм будущего простого от глагола быти и неопределенного наклонения глаголов несовершенного вида. Примеры: буду писати, будеши писати, будет писати и т. д.

В будущем сложном, в качестве вспомогательного глагола, кроме формы буду, употреблялись и другие глаголы, как: имамь, хощу, начну, стану, напр.:

начьну
хощу } творити
имам

Прошедшее время. В древнем церковно-славянском языке прошедшее время имело несколько форм, а именно: аорист, преходящее и прошедшее сложное.

Форма аориста показывала действие совершившееся в прошлом, а форма преходящего — то же самое, но еще значило и то, что действие было длительное. Форма сложного прошедшего обозначала действие совершившееся очень давно.

Аорист. Формы аориста образовались от основы неопределенного наклонения через прибавку к ней следующих окончаний:

Число	Лицо	Если основа неопределенного наклонения оканчивалась гласным звуком.	Если основа неопределенного наклонения оканчивалась согласным звуком.
Ед. ч.	1	х	о-хЪ
	2	—	е
	3	—	е
Дв. ч.	1	хове	охове
	2-3	ста	оста
Мн. ч.	1	хом	охом
	2	сте	осте
	3	ша	оша

Примеры:

быти—бых нести—несох
делати—делах плести—плетох
рещи—рекох

Образец спряжения аориста.

Ед. ч. 1.	Бых	несох	писах
2.	бы	несе	писа
3.	бы	несе	писа
Дв. ч. 1.	быхове	несохове	писахове
2-3.	быста	несоста	писаста
Мн. ч. 1.	быхом	несохом	писахом
2.	бысте	несосте	писасте
3.	быша	несоша	писаша

Преходящее время. (imperfectum) образовывалось тоже от основы неопределенного наклонения и тоже через прибавку окончания х, но признак этот в преходящем времени всегда присоединялся при помощи соединительных гласных: а, аа, еа, (ять), а именно:

Если основа неопределенного наклонения оканчивалась на а, я, ять, то для образования основы преходящего времени употреблялся звук а:

писати—писаа-х
видети—виде-а-х (слог «де»—через ять)
прославляти—прославля-а-х

Если же основа неопределенного наклонения оканчивалась на И, то для образования основы преходящего времени употреблялись соединительные гласные — аа, при чем первое а, соединяясь с предыдущим И, давало я:

хвали-ти = хвали-аа-х = хваляах
моли-ти = моли-аа-х = моляах.

Наконец, если основа неопределенного наклонения оканчивалась согласным звуком (кроме заднеязычного), то для образованая основы преходящего времени употреблялись соедини-

тельные гласные еа. Но если основа неопределенного наклонения оканчивалась заднеязычным звуком (Г, К, Х), то при образовании основы преходящего времени звук смягчался в соответствующий шипящий, и признак Х присоединялся при помощи соединительных гласных аа:

нести = нес-еа-х (слог «се» через ять)
мощи (мог-ти) = мож-аа-х
тещи (тек-ти) = теч-аа-х.

Образец спряжения преходящего времени, сравнительно с аористом:

Число	Лицо	Аорист	Преходящее время
Ед. ч.	1	знах	знаах
	2	зна	знааша
	3	зна	знааше
Дв. ч.	1	знахове	знаахове
	2—3	знаста	знааста
Мн. ч.	1	знахом	знаахом
	2	знасте	знаасте
	3	знаша	знааху

Приведенные примеры показывают, что во 2 и 3 лице ед. числа преходящего времени признак прошедшего времени, т. е. Х не отбрасывается, как у аориста, а остается, при чем к нему прибавляется звук Е, перед которым он (Х) переходит в Ш.

В третьем лице множ. числа преходящего времени окончание не А, как у аориста, а У.

Сложные формы прошедшего времени представляли собою соединение вспомогательного глагола быти и особого причастия. Это особое причастие образовалось от основы неопределенного наклонения с помощью суффикса Л и родовых окончаний Ъ, А, О. Глагол быти спрягался, а причастие на Л не изменялось, а имело лишь формы именительного падежа для всех родов и чисел, например:

Число	Муж. р.	Женск. р.	Средн. р.
Ед. ч.	писал	писала	писало
	несл	несла	несло
	пекл	пекла	пекло
Мн. ч.	писали	писалы	писала
	несли	неслы	несла
	пекли	пеклы	пекла

Сложных форм прошедшего времени в древнем славянском языке было две: прошедшее совершенное и давнопрошедшее.

а) Прошедшее совершенное (perfectum) обозначало действие законченное, уже совершившееся. Оно состояло из соединения форм настоящего времени от глагола быти и причастия с окончанием на Л, например:

Ед. ч.	1. есмь 2. еси 3. ест	пел, пела, пело
Мн. ч.	1. есмы 2. есте 3. сут	пели, пелы, пела
Дв. ч.	1. есве 2—3. еста	пела, пеле, пеле

б) Давнопрошедшее время (plusquamperfectum) обозначало действие совершившееся в более или менее отдаленном прошлом. Оно складывалось из форм преходящего времени от глагола быти и причастия с окончанием на Л, напр.: творил беах или творил бех.

Ед. ч.	1. беах 2. беаше 3. беаще	творил, а, о
Мн. ч.	1. беахом 2. беасте 3. беаху	творили, ы, а
Дв. ч.	1. беахове 2—3. беаста	творила, е

Сослагательное наклонение получалось из соединения причастия на Л и аориста от глагола быти, например

Ед. ч.	1.	читал, а, о	бых
	2.	»	бы
	3.	»	бы
Дв. ч.	1.	читала, е	быхове
	2—3.	»	быста
Мн. ч.	1.	читали, ы, а	быхом
	2.	»	бысте
	3.	»	быша

Неопределенное наклонение в древнем церковнославянском языке оканчивалось на ТИ, ЩИ, напр.: делати, пещи.

Достигательное наклонение производилось от неопределенного наклонения, через перемену окончания ТИ на окончание ТЪ, напр.: сеяти—сеат; гонити—гонит. Это накло-

нение выражало твердое намерение говорящего достигнуть своей цели.

ж) Причастия

Кроме причастий с окончанием на Л, т. е. несклоняемых, в древне церковно-славянском языке были еще склоняемые причастия, а именно: причастия настоящего и прошедшего времени действительного залога и причастия настоящего и прошедшего времени страдательного залога. Все эти причастия имели краткие и полные формы.

Причастия настоящего времени действительного залога образовались так: к основе настоящего времени присоединяли суффиксы причастия:

ущ или ющ—для глаголов 1 спряж.
ащ или ящ—для глаголов 2 спряж.

Например:

Основа наст. вр. нес (у), дела (ю)
Основа причаст. нес-ущ, дела-ющ

Форма именит. падежа единств. числа для муж. и ср. рода оканчивалась на Я или Ы, при чем окончания Я присоединялись прямо к основе настоящего времени во всех глаголах, кроме первообразных, с основой на согласный звук. Эти последние имели окончание Ы. Окончание им. п. женск. рода было И. и присоединялось к причастной основе, например:

Основа причастия	Имен. п. м. р.	Именит. п. жен. р.	Имен. п. ср. р.
дела-ющ	дела-я	дела-ющ-и	дела-я
нес-ущ	нес-ы	нес-ущ-и	нес-ы
плет-ущ	плет-ы	плет-ущ-и	плет-ы

Краткие причастия склонялись по именному склонению. Образец склонения смотри выше.

Полные формы причастий получались таким же образом, как и полные прилагательные, т. е. при помощи прибавки местоимения И, Я, Е к краткому причастию, например:

Муж. р.	делая-и	несы-и
Жен. р.	делающи-я	несущи-я
Ср. р.	делающе-е	несуще-е

Причастия прошедшего времени действительного залога образовывались от основы неопределенного наклонения с помощью суффиксов: ЪШ, ВЪШ например:

Основа неопр. накл. нес ти вес-ти дела-ти
Основа причастия нес-Ъши вед-Ъши дела-вЪши

В именительном падеже ед. числа муж. и сред. рода, как и

в причастии настоящего времени, суффикс причастия теряет свой шипящий звук, и остается только один соединительный звук, а именно Ъ для основ на согласный или ВЪ для основ на гласный, например:

Основы причаст. прош вр.	Имен. п. муж. р	Именит. п. жен. р.	Имен. п. ср. р.
нес-Ъш дела-вЪш	несЪ дела-вЪ	нес-Ъш-и дела-вЪщ-и	нес делав

Полные формы причастий прошедшего времени образовались аналогично полным формам причастий настоящего времени (см. сложные формы), например:

несЪ-и—несый; несши-я; несЪше-е

Отличия старо-русского языка от древнего церковно-славянского в формах.

Как видно из предшествующего изложения, главные отличия старо-русского языка от древнего церковно-славянского языка в мормологии заключались в следующем:

1. Окончание ять в род. ед. числа женского рода, им, вин., мн. числа женского рода, вин. мн. ч. муж. рода в именах, местоимениях и прилагательных,—в соответствии древне церковно-славянскому—малому юсу.

Окончания род. пад. ед. числа муж. и ср. р. сложного склонения—ОГО, ЕГО в соответствии древне церковно-славянскому АГО (ЯГО).

3. Окончания дат. падежа ед. ч. муж. и ср. рода того же склонения—ОМУ, ЕМУ, вместо ц-слав УМУ, ЮМУ.

4. Окончание 3 л. ед. и мн. числа наст. времени ТЬ в соответствии др. церковно-славянскому—ТЪ.

Главные особенности древнего церковно-славянского синтаксиса

В области ситаксиса древний славянский язык имел целый ряд особенностей. Вот наиболее важные из них:

1. Местный падеж для обозначения места или времени в церковно-славянском предложении стоял без предлога, например: „и исцеле отрокЪ томь часе".

2. Иногда для обозначения времени употреблялся творит. падеж: „треми деньми создати ю" (в три дня).

3. После глаголов, обозначающих движение, как ИТИ, ставилась вместо неопределенного наклонения форма достигательного наклонения; иду ловит рыбу.

4. Под влиянием греческого языка, с которого переведены были религиозные книги на славянский язык, встречалось соединение винит. падежа с неопределенной формой: „кого глаголют мя человеци быти" (за кого меня считают люди).

5. При подлежащем в единств. числе допускалось сказуемое во множ. числе, если подлежащее было имя собирательное „мног народ по нем идоша".

6. Для выражения придаточных предложений времени употреблялся дательный самостоятельный (соединение дательного падежа имени с причастием, с ним согласованным). Пример: „Обладающу понтийскууму Пилату" (Когда правил понтийский Пилат).

12. Лексика древнего церковно-славянского языка

В конце IX и в начале X в. Болгария пережила эпоху расцвета своей литературы, так называемый „золотой век". В это время болгарский царь Симеон Борисович собрал вокруг себя значительную группу переводчиков с греческого языка и те— отчасти по собственной инициативе и отчасти по предложению своего патрона— перевели с греческого языка на болгарский огромное число книг. В это именно время в Болгарии появились в полном составе книги христианского священного писания, сочинения греческих церковных публицистов: Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Василия Великого, Иоанна Дамаскина, Ефрема Сирина и др.; греческий номоканон; 12 книг четиих миней, ряд апокрифов, патериков; два обширных хронографа: Георгия Амартола и Иоанна Малалы и т. д. Благодаря всем этим переводным произведениям с греческого языка и отчасти произведениям оригинального болгарского творчества, язык болгарский стал литературным языком, достаточно богатым словами и оборотами для отражения мировоззрения и настроений эпохи. Характерной особенностью болгарского языка было отсутствие полногласия, например, слова: глава, бремя, плен, гражданин и т. д. Вторым признаком болгаризмов было в словах наличие звукосочетаний—жд и шт, например: рождество, вождь, ношть, пещера, пища и т. п.

Под влиянием переводов византийского творчества болгарский язык воспринял много слов греческих. Среди грецизмов на первом месте стояли слова религиозного уклона: евангелие, апостол, икона, епископ, иерей, литургия, елей, игумен, ангел, демон, дьявол, идол. Из Греции пришло значительное количество слов культурных, как: грамматика, тетрадь, стих и т. д.

Таков был болгарский язык в эпоху принятия Киевской Русью христианства. Этот язык, будучи пересажен на Русь, конечно мог оказать свое влияние на развитие старинного русского литературного языка.

13. Русский народ и его язык в VIII—XIV вв.

Русский язык, как и все языки земного шара, переживает процесс схождения, процесс унификации, т. е. развивается не от единства к множеству, а, наоборот, от многоязычия к единому языку. Обратимся к фактам.

В VIII в. русский народ не был единым. „Повесть временных лет", сообщая о местах оседлости восточно-славянского населения, свидетельствует, что оно жило тогда в племенном быту и состояло из ряда племен. В частности, летописец называет следующие племена: славяне ильменские, кривичи, полочане, дреговичи, бужане, древляне, поляне, тиверцы, улучи, северяне, радимичи, вятичи. Язык этих племен, конечно, тоже не был единым. Та же „Повесть временных лет" помнит, что население Днепровского бассейна произошло частию от хорватов белых, частию от сербов и частию от хорутан. В другом месте летописец намекает на близость радимичей и вятичей к ляхам. Все эти указания летописи невольно наводят на мысль о том, что языки у русских племен были разные: одни были ближе к языку хорватскому, другие—к сербскому, третьи—к ляшскому и т. д. Да и языковая практика не позволяет допустить, чтобы язык, распространившийся на такой огромной территории, как бассейн Днепра, Буга и верховьев трех рек: Западной Двины, Волги и Оки, мог быть совершенно однообразным. Наконец, не могло быть единства в языке днепровских племен еще потому, что русские племена—творцы этих языков—не находились на одинаковом уровне своего культурного развития. Так, летописец уверяет, что древляне еще в его время жили «звериным образом», тогда как поляне стояли значительно выше их. Очевидно, и языки полян и древлян, как явление надстроечного порядка, не могли не отражать степени культурного и общественного роста их творцов. Таким образом, в ту эпоху, когда русский народ находился в племенном быту, языков было столько же, сколько было племен.

В IX в. все названные выше русские племена об'единились в три племенных союза: восточный, южный и северный. Восточный союз, занимавший обширное пространство почти от Немана и до Дона, состоял из двух групп: на западе племена: дреговичей, радимичей и вятичей, а на востоке—северян. К северу от восточного союза простирались земли, занятые союзом северных племен. Это были племена—славян ильменских, полочан и кривичей, а также финские народы: меря с городом Ростовом, весь на Белом озере, мурома и чудь. На юг и на запад от восточного союза жили две группы: бужане, древляне, поляне, а южнее их—тиверцы и улучи.

Указанное распределение русских племен по трем союзам произошло не случайно: оно оправдывалось хозяйственными надобностями. Наука уже давно установила, что упомянутые выше племенные союзы экономически и даже культурно тяготели к трем различным торговым центрам, а именно: южный союз вел торговлю с греческими колониями на берегу Черного моря, с Византией и Болгарией и значит, зависел от них культурно: наплыв греческих и болгарских слов сказался прежде всего здесь. Восточный союз имел экономические и культурные связи с востоком; с хозарами и арабами и был, следовательно, обращен лицом к востоку и юго-востоку. Северный союз, связанный с варягами и расселенный вперемешку с финнами, тяготел к северу и западу. Несомненно, такое об'единение русских племен в „племенные союзы" повлекло за собою и схождение языковое. Согласно исследованиям А. А. Шахматова, тогда наметилось три языка: восточно-русский, южно-русский и северно-русский. Каждый из этих языков получил возможность вырабатывать свои особенности, обусловленные новой обстановкой труда и новой общественной группировкой. В связи со стяжением племенных языков в три упомянутых языка (восточно-русский и др.) обнаруживаются особенности в каждом из них. Так, в северно русском языке мы замечаем смешение Ц и Ч, а в восточно-русском—редукцию неударяемых А, О, Е и т. д. Это так называемые диалектизмы. В названную эпоху под термином „диалектизмы" мы имеем в виду архаизмы, которые остались в новом языке от племенных языков. Значит, диалектизмы русского языка эпохи об'единения русского населения в племенные союзы идут от племенных языков.

В X в. русское население, в силу своего естественного приращения, распространялось частию на северо-восток. и частью на юго-восток. В юго-восточном направлении восточноруссы спустились по Дону и осели на берегу Азовского моря вплоть до Тмутаракани. Но во второй половине XI в. положение на юге изменилось. Появившиеся из Азии орды печенегов и половцев начали сильно беспокоить русские селения. В начале XII в. они захватили Тмутаракань и позже стали угрожать даже самому Киеву. С этого времени восточноруссы, уступая силе кочевников, начали распространяться не на юго-восток, а на север, именно по Оке. Одновременно с этим по Волге распространялись севернороссы. Оба эти потока на своем пути встретились с финскими племенами: мерей на Волге и муромой на Оке, и совместными силами победили их. Здесь, в результате скрещения севернороссов и восточнороссов с финнами, образовалась народность русская. Эта народность скоро создала свое госу-

дарство, с Москвою во главе его. Новая обстановка труда и новые общественные условия содействовали выработке того языка, который теперь мы называем русским языком. А вхождение в состав русского языка языков севернороссов и восточнороссов плюс финские языки (мурома и меря) обусловили появление диалектов — окающего и акающего. Восточнороссы и мурома дали аканье, а севернороссы и меря— оканье.

Часть севернороссов, именно западная, в XIV в. была насильственно отторгнута и под именем Белой Руси сначала вошла в состав Литвы, в затем вместе с Литвой подпала под власть Польши. Встреча западных восточнороссов с литовцами и поляками определили белорусскую народность, а взаимодействие их языков дали белорусский язык. Именно на этой почве выработались своеобразные особенности белорусской речи, а именно; мягкие Д и Т стали произноситься, как ДЗ и Ц, звук Р отвердел и пр.

Что же касается южно-русской группы населения, то она пережила ряд погромов от печенегов, половцев, татар. Подпала под власть, сначала Литвы, потом—Польши. На протяжении своей истории южнороссы скрещивались со своими врагами: то с печенегами и половцами, то с литовцами и поляками. В результате этих скрещений родилась теперешняя украинская народность, а на почве взаимодействия встретившихся языков выработался теперешний украинский язык. Главные особенности украинского языка получились именно в рассматриваемый период;

а) В эпоху исчезновения глухих, звуки О и Е, в слоге перед выпавшими глухими, стали произноситься длиннее, чем произносились раньше, например; оовьца.

б) В XIV в. такие удлиненные звуки О и Е усилились в двузвучия: О перешло в УО, а Е—в ИЕ Это явление со временем сделалось существенной особенностью украинского языка. Северные украинцы до последних дней говорят: куонь, вуол, пиечь. Южные же украинцы заменили двузвучия звуком И и говорят; вил, кинь.

в) Одновременно с этим выработались и другие особенности украинского языка: старое ять перешло в И (дид, бис); звуки И и Ы слились в один звук и пр.

Таким образом, к концу XIV в. русский язык продолжал развиваться в виде трех потоков: язык собственно русский, язык белорусский и язык украинский.

В конце X и начале XI вв., со времени принятия Киевской Русью христианского просвещения и книг из Византии и Болгарии на Руси появился еще один новый фактор, содействующий унификации языков. Местоположение Киевской Руси на

перекрестке торговых дорог, связывающих немецкие земли с арабским востоком, с одной стороны, и варягов с греками, с другой,—наличие в стране огромных богатств для развития торговли и, наконец необходимость пропаганды идеи военного общерусского союза против кочевников—все это стимулировало господствующий класс русского общества к созданию единого литературного языка. Нужда в литературном языке одинаково чувствовалась во всех центрах древней Руси: и в Киеве и в Чернигове, Новгороде и Турове и т. д.

Сначала роль литературного языка исполнял древний церковно-славянский язык, т е. тот, который был принесен на Русь болгарскими миссионерами и монахами и который по природе был диалектом верхнего слоя болгарского общества IX—X вв. На Руси этот язык первоначально удовлетворял потребности, связанные с вопросами богослужения и христианской веры. Но древний церковно-славянский язык на русской земле не остался чистым древне-болгарским языком. Специфические черты русского языка, в частности, особенности русского господствующего диалекта сказались и на огласовке, и на структуре и на лексике принятого из Болгарии языка. Так, русские книжники, не умея произносить болгарских носортовых звуков (большой и малый юсы), сразу же заменили их русскими звуками У и А. В то же время в ряде слов они усвоили болгарские неполногласные формы (град, глава), взамен русских сочетаний оро, оло, ере, еле; жд и шт вместо русских Ж и Ч и т. д. Таким образом, из древнего церковно-болгарского языка на Руси выработался особый, искусственный язык. Этот искусственный язык X—XI вв. в нашей науке называется „древним церковно-славянским языком русского извода". С момента принятия христианства этот язык в древней Руси сделался главным средством выражения русской религиозной мысли: епископы и священники на нем выступали с церковной кафедры, на нем писали собственные проповеди, словом, он стал церковно-литературным языком. Обрусению церковно-литературный язык подвергался туго и медленно. В конечном итоге он оторвался от языкотворческой среды и сделался книжным мертвым языком.

Рядом с этим чисто церковно-литературным языком с XII в. начал создаваться русский письменный язык. Этот зарождающийся русский письменный язык генетически является продуктом творчества русского господствующего класса, главным образом киевского боярства и купечества. В отличие от церковно-литературного языка русский письменный язык был прежде всего деловым, обиходным языком, обслуживавшим нужды торговли, дипломатии, суда и домашнего быта. Этот же язык, повидимому, был средством выражения поэтических настроений

и идей изучаемой эпохи. В морфологии, синтаксисе и словаре русского письменного языка, конечно, была сильна традиция церковно-книжная, но была заметна и струя разговорного боярско купеческого диалекта. Образцом русского письменного языка могут служить договоры киевских князей с греками 907, 912 и 942 гг., „писанные на двою харатью", грамота Мстислава Володимировича 1130 г., Русская правда, Слово о полку Игореве, дошедшее до нас в списке XV в. и др.

Русский письменный язык в XI—XIV вв. вырабатывался одновременно в нескольких местах: в Киеве и на Волыни, в Новгороде и Пскове, в Чернигове и Турове. Но главным местом рождения русского литературного языка был все же Киев. Это и понятно, так как Киев пользовался в глазах тогдашнего общества наибольшой популярностью. Кроме того, этот город обладал возможностями создать язык, наиболее приемлемый для господствующего класса изучаемой эпохи. Хотя Киев находился на территории полян, но в нем издавна коренное полянское население было разрежено представителями других русских племен, всего вернее, северянами, сидевшими густыми массами на противоположном берегу Днепра. Таким особым составом населения Киева об'ясняется и то обстоятельство, что некоторые древние памятники, писанные в этом городе (например: грамота Мстислава 1130 г. оба сборника Святослава 1073 и 1076 гг.), совсем не имеют диалектических особенностей, которыми отличаются рукописи соседних областей, например: новгородские, псковские. Древние киевские памятники, оказывается, написаны на старо-русском литературном языке. Это обстоятельство нас наводит на ту мысль, что в Киеве, как наиболее авторитетном центре умственной жизни XI—XII вв., очень рано сгруппировался круг людей, сумевших произвести отбор архаизмов от старых племенных языков и выделить приемлемые элементы из нового южно-русского языка. Такой отбор слов для литературного языка сделан был киевскими грамотеями по классовому признаку, в соответствии с нуждами и задачами развертывания торговли и начинающего складываться феодального строя.

Наличие классовых элементов в языке киевского общества несомненно. Письменные памятники XI—XII вв. совершенно определенно отражают зарождающиеся феодальные отношения той эпохи. Киевское общество тогда расслаивалось так: наверху феодальной лестницы стоял **князь**, вождь вооруженной дружины. Верхний ряд дружинников составляли **бояре**, а нижний—**гриди**, **отроки**. Рядовые дружинники и некоторые другие группы населения, состоявшие на службе у князя, назывались **княжи мужи**. Кроме князя и бояр, к верхушке общества принадлежали **гости**, т. е. купцы, торговавшие с

заграницей. Сюда же относились жрецы, а после принятия христианства—епископы и попы. Все остальное население платившее дань, считалось свободным и носило наименование люди. К разряду людей прежде всего принадлежали смерды, т. е. крестьяне. Ниже их стояли закупы, т. е. наемные рабочие. Батраки, вступившие к хозяину в долговое обязательство на срок, назывались ролейными закупами. На самой нижней ступеньке общественной лестницы находились холопы. или рабы.

Все перечисленные слои общества Киевской Руси скоро выработали свои особые диалекты. Этому содействовало классовое расслоение общества. Господствующим диалектом был говор, созданный господствующим классом Киевской Руси, т. е. княжеской дружиной, духовенством и торговцами. С принятием христианства этот говор лег в основу литературного языка и через систему церковных и торговых отношений распространился по областным центрам. С этого времени русский литературный язык сделался могучим средством об'единения представителей господствующего класса и борьбы с противниками его. С этого времени задача историка языка раздваивается: следя за развитием литературного языка, он не должен забывать развития диалектов. Наконец, с этого времени студенты должны вспомнить (см. курс языкознания), что в языке есть не только тенденция к унификации, но и к дифференциации, но что все же преобладает унификация. Н. Я. Марр учил, что развитие речевой культуры состоит не в размножении новых видов, а в образовании массового языка, в переводе языка на рельсы все более расширенного использования. В другом месте он писал: „Сейчас нас приводит в прострацию существование многих сотен языков, но это все же процесс унификации: раньше языков было еще больше" (Акт. проблемы, стр. 25—26). Таким образом, дифференциация языка не противоречит унификации, а есть только другая сторона того же процесса (единство противоположностей).

14. Изменения в звуковой стороне русского языка с XI в.

Перечисленные выше особенности старо-русского языка XI в. сохраняются в нем до наших дней и отличают русский язык от всех прочих славянских языков.

После XI в. русский язык продолжает изменяться во всем своем составе, т. е. и в звуках, и в формах, и в синтаксисе, и в словаре.

Важнейшие фонетические изменения, происходившие в старо-русском языке с XI в., были таковы:

1. Глухие гласные. Буквы Ъ и Ь в древне-славянском языке обозначили особые гласные звуки, а не только твердость или мягкость предыдущего согласного, как в русском языке до его последней орфографической реформы. Акустически эти звуки мы называем глухими, т. е. неясными; физиологически же их Фортунатов наименовал иррациональными, т. е. не поддающимися измерению или определению.

Звук обозначаемый буквой Ъ, приближался к О, но не был тождественен с ним: он произносился глуше и кратче. Звук, передаваемый Ь, первоначально был близок к Е, но произносился тоже как то глухо и кратко. Все это ясно из следующего: 1) в древних славянских рукописях находим такие слова как СЪНЪ, ЛЪБЪ, ДЬНЬ, ТЪПЪТЪ. В этих словах никаких других гласных, кроме Ъ и Ь, нет, и слова эти невозможно прочитать, если не допустить, что они обозначают гласные звуки. 2) В родственных языках этим Ъ и Ь соответствуют гласные. Так, древне-болгарскому Ъ соответствует санскритское, латинское и литовское У, например: др. болгарск. ДЪШТИ (родит. ДЪШТЕРЕ), санскр. duhitar, литовский dukter, др. болгарск. МЬХЪ, лат. muscus,; др. болгарское СНЪХА, лат. nurus. Древне-болгарскому Ь в других языках обыкновенно соответствует санскритское, греческое латинское и литовское I. Примеры: болгарск. ЕСМЬ, санскр. asmi, греческ. eimi, лит. ecmi, болгарское ОГОНЬ, санскр. agni. лат. ignis, лит. ugni, болгарск. ВЬДОВА, лат. vidua; болг. ЛЬНЪ, лат. linum. 3) В древних нотных книгах под Ъ и Ь стоят нотные знаки, при чем эти Ъ и Ь под нотными крюками повторяются по несколько раз, как гласные, которые можно тянуть голосом, напр.: „БЪЪЪЪГЪ ГЪЪСПЪЪДЬ".

Эти глухие гласные Ъ и Ь были в глубокой древности и в русском языке, но затем в одних случаях они исчезли бесследно, а в других изменились: Ъ в О, а Ь в Е. Так уже в рукописях XI века мы в одних случаях находим начертания: СЪНЪ-СЪНА, ДЬНЬ-ДЬНЯ, КЪТО, ЧЬТО, а в других—СОНЪ-СНА, ДЕНЬ-ДНЯ, КТО, ЧТО.

Когда же Ъ и Ь могли исчезать из произношения и когда изменялис в О и Е?

Есл Ъ и Ь были под ударением, то они выпадать не могли, а переходили в О Е, например: ДЪСКЫ дало в русском языке доски.

Если в ударенном слоге глухой переходил в О или Е, то в соседнем, крайнем слоге второй глухой исчезал, например: из из старых слов СЪНЪ, ЛЪБЪ, ЛЬНЪ—получились слова СОН, ЛОБ, ЛЕН.

Если глухой звук прояснялся в О или Е в конечном слоге, то точно также, исчезал второй глухой в предшествующем

слоге, например: из старых слов: ЛЪБА, ОТЬЦА, ОВЬЦЕ, КЪТО, ЧЬТО—образовались слова: ЛБА, ОТЦА, ОВЦЕ, КТО, ЧТО.

Примечание: в слове ТЬМЬНО ударение было на последнем слоге, и глухой после М исчез, а глухой после Т, хотя и не под ударением не мог выпасть, так как в следующем слоге пропал Ь, а перешел в Е: ТЕМНО. В слове РЪПЪТЪ ударение было на первом слоге: конечный глухой исчез, средний не мог исчезнуть, а перешел в О, а первый тоже усилился в О, так как находился в ударенном слоге: РОПОТ.

Важнейшие следствия исчезновения глухих в русском языке

В Результате выпадения глухих Ъ и Ь в русском языке получился ряд последствий, а именно:

а) Так как глухие Ъ и Ь были гласными звуками, то следовательно, до их выпадения в старо-русском языке все слова оканчивались на гласный звук. После же исчезновения глухих в русском языке появились слова с окончанием и на согласный звук.

б) В связи с выпадением глухих в ряде слов сократилось количество слогов. Такие слова, как: СЪНЪ, ЛЪБЪ, ЛЬНЪ, ДЬНЬ, ВЬСЬ—были двухсложными; после же исчезновения Ъ и Ь стали односложными, при чем глухой в средине этих слов прояснился в полный гласный звук: О или Е: СОН, ЛОБ, ЛЕН, ДЕНЬ, ВЕСЬ. (В последних двух словах Ь обозначает мягкость предшествующего согласного, но сам по себе роли звука не имеет).

в) В связи с переходом глухих в О или Е в русском языке появились беглые гласные. Беглыми гласными мы называем звуки О и Е, которые произносятся в ударенных слогах в именительном падеже и исчезают в косвенных падежах: СОН-СНА, ДЕНЬ-ДНЯ, ЛОБ-ЛБА, КОНЕЦ-КОНЦА. Таким образом, наличность в слове беглых звуков может служить указанием на то что в старо-русском языке на месте беглых О и Е были глухие Ъ или Ь.

г) Далее, вследствие исчезновения глухих, смежные согласные, очутившись в непосредственном соседстве, подверглись различным изменениям. Так, согласные глухие, оказавшись перед звонкими, уподобились этим последним, т. е. сами стали звонкими, например, старые слова: КЪДЕ, СЪДЕ, СЪДРАВ, ПРОСЬБА—в произношении изменились в слова: ГДЕ, ЗДЕСЬ, ЗДРАВ, ПРОСЬБА. И наоборот, согласные звонкие, придя в соприкосновение с согласными глухими, сами—в разговорном

языке—сделались тоже глухими: ГОЛУБКА, ДУДКА стали произносится ГОЛУПКА, ДУТКА.

д) Следствием отпадения глухих в конце слов было превращение конечных звонких согласных в глухие: так получились в живом говоре слова ДУП, ХЛЕП, КРОФЬ, ЗДОРОФ и т. п.

Переход Е в О (е). В том же XII в. начался переход Е в О (е). Такой переход Е в О (е) наблюдался в ударенных слогах и обязательно перед твердыми согласными, например: ЕЛКА, МЕД, ЖЕНЫ, ПРИШЕЛ. В слогах же ударенных, но перед мягкой согласной Е в О (е) не переходило: ЕЛЬ, ВЕСЬ. Конечно Е под ударением точно также произносилось, как Е например ЕЩЕ, ВСЕ. Указанный переход Е в О совершался во всех случаях, если это Е было в ударенном слоге перед твердым согласным или на конце. Исключения из этого правила, пока оно действовало в языке, только кажущиеся. Так:

а) в словах ДЕЛО, ПОБЕДА и т. п.—Е в О не перешло, так как здесь в ударенном слоге был не Е, а ять. Звук же обозначаемый буквой ять произносился несколько иначе, чем краткое Е.

б) В словах—отец, купец, деревенский—Е не перешло в О, так как согласные звуки Ц и Н в эпоху действия упомянутого фонетического правила были мягки.

в) В словах: НЕБО, КРЕСТ, НАДЕЖДА, АПТЕКА, КАРЕТА—Е в О не перешло по той причине, что эти слова не русского языка.

Второе полногласие состоит в написании двух глухих по обе стороне плавного Л или Р, т. е. ЪРЪ, ЬРЬ, ЪЛЪ, ЬЛЬ, вместо древне-славянских начертаний: согласный плюс РЪ, ЛЪ (а раньше ЪР, ЪЛ, ЬЛ плюс согласный). Примеры: МЪЛЪНИЙ, СКЪРЪБЬ, СЪМЬРЬТЬ, ИСПЪЛЪНЬ и мн. др. Следы второго полногласия встречаются и в современных диалектах: МОЛОНЬЯ, СОЛОНОВОРОТ, КОЛОБОК, СМЕРТУШКА, ВЕРЕХ. Честь открытия второго полногласия принадлежит Потебне.

15. Изменения в морфологии русского языка в XI—XIV вв.

Древний церковно-славянский язык, а равно и русский—до XI в. был богат морфологическими формами. В рассматриваемую же эпоху это древнее морфологическое богатство старорусского языка мало по-малу исчезает: число склонений сокращается, меньше становится падежей, времен, чисел, наклонений и т. п.

Рукописи XI в. в отношении новизны форм русского литературного языка дают нам очень мало. Но это и понятно, так

как наши ранние писцы, копировавшие первые книги, старались списывать текст возможно точнее и не допускать никаких отклонений. По этой причине в области форм XI в. мы можем указать только два момента, а именно: причастие прошедшего времени на Л без вспомогательного глагола в надписи на Тмутараканском камне 1068 г. („Глеб князь мерил море") и окончание дательного падежа имен прилагательных на ОМУ и ЕМУ в Сборнике Святослава 1073 и 1076 гг.

XII в. и начало XIII—являются временем переходным от копирования чужого текста к составлению оригинальных русских произведений. Именно в этот век создаются такие памятники, как Начальная летопись, Поучение Владимира Мономаха, Хождение игумена Даниила, Моление Даниила Заточника, Слово о полку Игореве и др. Продолжалась в это время, конечно, и переводная деятельность. Такое развитие оригинальной литературы в XII—XIII вв. несомненно отразилось и на развитии русского литературного языка. Но о том, каков был литературный язык в подлинных текстах указанных произведений мы не знаем, так как все они до нас дошли не в оригиналах, а в копиях XIV — XVI вв. Для историка языка это — огромная потеря.

Приходится поэтому ограничиваться лишь тем материалом, который сохранился. Этот материал однако довольно многочисленный и разнообразный. Кроме религиозных книг, у нас есть еще, произведения публицистические, юридические, житийные. Сверх того, от конца XII и начала XIII в. мы имеем четыре грамоты: Мстислава Владимировича от 1130 г., старца Варлаама Хутынского и две договорных грамоты князя Мстислава Смоленского с Ригою 1229 и 1230 г. Согласно указанным источникам, в морфологии старо-русского языка мы наблюдаем следующие новшества.

А. В именах существительных:

а) В X—XI в. для имен существительных с основой на твердый согласный звук в старо-русском языке существовало два типа склонения: раб и сын. Но уже в XI в. оба эти типа начали смешиваться. Если мы обратимся за справкой к грамотам, то там увидим, что имен, которые склонялись по образцу сын было очень мало и что эти имена стали терять свои окончания, повидимому, еще в XI в., но в то же время имена типа раб стали принимать окончания имени сын, например: мед, дом, лен. В Сборнике Святослава 1073 г. мы находим: от льну, вместо от льна; в смоленской грамоте 1230 г.: богови, вместо богу; в ряде других документов XII—XIII века встречает: на воску, на снегу, в пиру, вместо традиционных с окончанием на букву ять: на восце, на снезе, в пире. Таким

образом, путаница в формах типов раб и сын, начавшись, как зародыш новшества в XI, в XII в. дала новый тип склонения слов мужеского рода, в котором перевес получили формы типа раб.

Склонение имен существительных типа сын в современном русском языке забыто, но следы его в ряде слов остались, в качестве вторых форм, а именно: а) родительном падеже единств. числа остается флексия У (ю), например: чаю, сахару, песку.

В предложном падеже единств. числа, рядом с окончанием Е, живет под ударением старое окончание У: в лесу, в углу, в саду, на верху.

В именительном падеже множ. числа окончание ОВЕ исчезло, заменившись формой винительного падежа. На этом основании теперь мы, вместо рабы и сынове, говорим: рабы, роды, сады.

Для родительного падежа множ. числа сохранились обе старые формы: одни имена имеют окончание ОВ, например: рабов, столов, а другие не имеют окончаний, так как окончание Ъ исчезло: много глаз, сколько раз.

Формы двойственного числа слов сын и раб различались, но потом они в русском языке исчезли. Уже в грамотах XIII в. встречаем формы множ. числа вместо двойственного: „помози рабом своим Ивану и Олексию" (вместо рабома своима).

б) Типы окончания имен существительных конь и гость точно также в старо-русском языке существовали, как разные склонения, но уже в XII веке они обнаруживают тенденцию к об'единению, а именно: слова типа конь начинают принимать окончания от склонения типа гость. Так, в творительном падеже множественного числа, вместо старых форм: мужи, мечи, мы встречаем формы мужьми, мечьми, как гостьми. В результате смешения форм конь и гость со временем выработался новый тип склонения, при чем в этом новом типе преимущество получили окончания склонения конь. Такие слова, как зять, гвоздь, зверь, огонь и т. п. изменяются, как конь, с очень малыми отступлениями, а именно: а) старая форма местного падежа кони заменилась в современном языке формой коне (на коне). Эта замена произошла по примеру: рабе (о рабе). б) В родительном падеже множ. числа берется форма от типа гость: гостей, зверей, гвоздей, коней.

в) Склонение типа камы совсем исчезло. В именительном падеже, вместо формы камы, пламы, стала употребляться форма винительного падежа: камень, пламень. В остальных падежах эти слова приняли формы склонения конь (камень, камня, камню).

г) Тип склонения слово—словесе и т. д. (небо, чудо) исчез. В современном языке эти слова мы изменяем по образцу село, села, селу.

д) Имена существительные женского рода сохранили свое склонение лучше других. Так, в склонении типа жена, рыба, вода, т. е. с твердой основой, не изменилось ничего. В словах же с основой на мягкий согласный звук, как земля, старо-русский язык отличался тем, что в родительном падеже единств. числа, именительном и винительном множ. числа на конце было ять; на земле. Это старое окончание исчезло под влиянием формы типа жена: жены, жены—с смягченным окончанием: земли, земли. Наоборот, в дательном и предложном падежах появилась форма земле. Двойственное число имен существительных женского рода тоже утратилось.

е) В склонении типа кость не произошло значительных изменений. Только вместо старых форм: костем, костьми, костех, мы имеем: костям, костями, о костях. Это произошло по образцу форм: женам, рыбам, женами, рыбами, о женах, о рыбах.

ж) В старо-русском языке перед падежными окончаниями ЯТЬ и И вместо заднеязычных звуков Г, К, Х произносились свистящие—З, С, Ц, например; нога—нозе, нози; рука—руце, руци; дух—дусе, дуси. Но с XIII в. упомянутые звуки Г, К, Х перестали изменяться; в результате получились формы: рука—руке, руки, нога—ноге, ноги, дух—духи.

з) Наконец, имена существительные мужеского рода в именительном падеже оканчиваются на Ы и И: рабы, кони, роды, враги. Однако некоторые имена мужеского рода имеют окончания А, Я; города, леса, учителя, профессора и т. п. с ударением на конце слова. Ряд других имен имеют окончания на ЬЯ: кумовья, зятья, шурья, дядья и т. д. Исторически указанные формы появились так. В древности некоторые из этих форм были окончаниями именительного падежа двойственного числа: берега, бока (т. е. два берега, два бока); когда же двойственное число утратилось, формы эти получили значение множественного числа.

и) Формы звательного падежа в рассматриваемую эпоху утратились во всех оставшихся типах склонения.

Б. В именах прилагательных:

В склонении имен прилагательных произошли небольшие изменения: а) форма родительного падежа единственного числа мужеского рода и среднего рода на АГО заменилась в старорусском языке формой на ОГО, ЕГО, например: НОВОГО, ДОБРОГО, СИНЕГО; б) форма дательного падежа единств. числа мужеского рода на УМУ заменилась формой ОМУ, ЕМУ: добро-

му, синему; в) вместо формы дат. и местного падежа единств. числа женского рода и ЕИ, ИИ явилась новая форма ОЙ, ЕЙ: доброй, синей. Все эти новые формы получились по образцу местоименных склонений: того, его, тому, ему, той, ей.

В. В глаголах:

а) В древне-славянском языке, а также и в старо-русском неопределенное наклонение оканчивалось на ТИ или ЧИ: нести, брати, ржати, пекчи, лехчи. В древних памятниках формы на ТЬ, ЧЬ встречаются редко. Но чем более памятники приближаются к XV в., тем чаще попадаются формы на ТЬ. Но тем не менее формы на ТИ еще не редкость в памятниках даже XVII в. (Соболевский). В современном языке формы неопределенного наклонения на ТИ редки и являются только тогда, когда ударение стоит на конечном И: нести, везти, вести, итти. Что же касается форм на ЧИ, то те совсем редки и должны быть рассматриваемы, как архаизмы, например: печи (пироги).

б) Утрата форм аориста и преходящего времени. Формы аориста и преходящего времени были свойственны не только древне-славянскому языку, но и старо-русскому. Однако, в старо-русском языке эти формы, по мнению Е. С. Истриной, не имели такого последовательного употребления, как в славянском. В русских грамотах они употреблялись редко и совсем исчезли на русской почве не позднее XV в. А. И. Соболевский по поставленному вопросу привел такие факты: в новгородской грамоте 1262—1263 гг. встречаем слова: отложихом, докончахом, поставихом; в духовной новгородца Климента XIII в.: написах; в духовной Ивана Калиты: написах (Лекции по ист. русск. яз., изд. 1907 г., стр. 234—235). В соловецких грамотах XV в. находим слова: се купи, се дах. Но одновременно с употреблением аориста в одних документах мы находим полное отсутствие его в других. Так, в грамоте Мстислава 1130 г. не видим ни одного аориста, но зато на месте его замечаем формы прошедшего совершенного времени, напр.: дал есмь, повелел есмь. Все изложенное показывает, что в употреблении аориста начались перебои, повидимому, с XII в., что к концу XIV в. он выпал из языка южан и в XV в.—на севере. Что же касается преходящего времени, то оно, по словам А. Д. Григорьева, исчезло из живого русского языка гораздо раньше аориста, всего вероятнее, до XII века.

в) Сложные формы прошедшего времени. Когда в старо-руском языке исчезли формы преходящего времени и пошли на уменьшение формы абриста, то, естественно, возникла надобность в их замене, надобность в других однозначных формах. Такими формами явились формы прошедшего времени. Не надо думать, что сложные формы про-

шедшего времени появились только тогда, когда совсем исчезло из русского языка преходящее время и началось умирание аориста. Нет, сложные формы существовали и раньше, только они в старо-русском языке не играли той роли, какую они стали выполнять в изучаемую эпоху.

Сложные формы прошедшего времени, как мы знаем, представляли собою соединение форм вспомогательного глагола быти и причастия с окончанием на Л. Сложных форм прошедшего времени было две: прошедшее совершенное и давно прошедшее. Форма прошедшего совершенного времени в старорусских грамотах встречается часто и с давних пор. Уже в грамоте Мстислава Владимировича 1130 г. мы имеем выражения: повелел есмь, дал есмь.

Что же касается давнопрошедшего времени, то это архаическая форма. Она была свойственна главным образом древнеславянскому языку. В русском же языке эта форма жила не долго. С утратой форм преходящего времени старо-русский язык потерял и архаические формы давнопрошедшего времени (Истрина). Около XII в. на смену архаическому давнопрошедшему времени пришло новое давнопрошедшее, с прибавкой слова был, вместо беах, так, в смоленской грамоте 1229 г. мы встречаем выражение: „было любо"; в новгородской—1265 г.: „был от'ял".

Но и подновленные формы прошедшего времени, т. е. прошедшее совершенное и давнопрошедшее, с заменой связки беах на связку был, в русском языке долго не зажились: они сами в старо-русском языке стали подвергаться изменениям Уже в языке XI в. в этих формах иногда стали опускать связку в третьем лице (есть, суть), т. е. вместо «мерил есть» говорили просто «мерил», вместо „пошли суть", говорили «пошли». Так на Тмутараканском камне написано в 1068 г.: „Глеб князь мерил море по леду"; в грамоте Мстислава 1130 г. один раз сказано «аз дал» (без есмь), а второй раз: «а Всеволод дал есмь». Эти примеры показывают, что уже в XII в. форма прошедшего совершенного времени иногда употреблялась без вспомогательного глагола в третьем лице.

Но при 1 и 2 лицах этот вспомогательный глагол не опускался. Он был нужен для обозначения лица, так как в старо русском языке личные местоимения обычно не употребялись, например: в смоленской грамоте 1284 г.: «судил есмь, выдал есмь», но писец «писал» (без есть). (Соболевский, лекции 240 стр.). Эти примеры показывают, как в старо-русском языке начала нарастать потребность в выражении лица, потребность в личных местоимениях. В ответ на эту потребность—для обозначения лица начали употреблять местоимения: вместо „есть писал, еси писал", стали говорить: я писал, ты писал.

Примечание: В древних рукописях, в подавляющем количестве случаев, местоимения отсутствуют. По мнению А. И. Соболевского, в старо-русском языке местоимения употреблялись главным образом в двух случаях: а) когда эти местоимения находились под логическим ударением, напр: в „Русской правде" 1282 г.; «оже кто взищеть кун на друзе, а он ся начнет запирати»; б) когда при них находилось приложение, напр. в приписке к Юрьевскому евангелию 1120 г. «аз грешьныи Федор напсах; в Мстиславовой грамоте: «Се аз Мстислав повелел есмь.

Одновременно с принятием местоимений, во множ. числе причастий на Л вместо трех родовых окончаний И, Ы, А стали употреблять одно окончание И, например: вместо НЕСЛИ, НЕСЛЫ, НЕСЛА; писали, писалы, писала—стали говорить НЕСЛИ, ПИСАЛИ.

Так из старо-русских сложных форм прошедшего времени образовались современные русские формы простого прошедшего времени. Происхождением этих форм об'ясняется: 1) и то, что эти формы не изменяются по лицам и 2) то, что они не имеют родовых окончаний во множ. числе.

г) Сослагательное наклонение. Сослагательное наклонение в старо-русском языке получилось из сложения форм причастия на Л, и аористов от глагола быти т. е. бых, бы и т. д. например: мерил бых, мерил бы и т. д. С течением времени, в связи с потерей форм аориста, для всех лиц стали употреблять только форму бы (т. е. одно 2 лицо аориста от бых), и старое причастие на Л стали понимать, как самостоятельную форму простого прошедшего (Истрина). Поэтому первоначальное значение формы бы забылось и она стала считаться просто частицей, нужной для образования сослагательного наклонения.

Г. Причастия

В XI в. склонение русских причастий настоящего и прошедшего времени было сходно с склонением этих же причастий в древнем болгарском языке (др.-славянском). Разница между ними была только звуковая (сидящая-сидячая). Но скоро в старо-русском языке употребление кратких причастных форм действительного залога начало терпеть изменения. Краткие формы причастий в древности употреблялись в качестве определения (согласуемый пояснитель) и как таковые согласовались в роде, числе и падеже со своим определяемым. Но уже в XII в. в старо-русском языке краткие причастия стали терять свое склонение. Сохранялись только формы именительного падежа всех родов и чисел.

С XIII века они уже не согласуются в роде и числе, например: „слышав же се Ольговичи вси и поидоша в Кыеву". Здесь слышав—форма единственного числа, вместо множественного.

Потеря одних форм причастий и смешение других—повели к тому, что часть старых причастных форм в именительном падеже превратилась в неизменяемые формы, т. е. в деепричастия. Старое значение этих форм забылось, и мы уже не чувствуем, что, например: формы: читая, играя, написав, сделав—есть именит. падеж мужеского рода, ед. числа. Но некоторый след старого значения именит. падежа в связной речи все-таки сохранился, а именно: употреблять деепричастие можно только в том случае, если оно относится к подлежащему, т. е. к форме именительного падежа.

Старые русские причастия на ЧИЙ в современном русском языке переродилось в имена прилагательные: лежачий, горячий, пахучий, трескучий. Такова история причастий действительного залога.

Причастия настоящего и прошедшего времени страдательного залога как древне-славянского языка, так и старо-русского в общем сходны с соответствующими формами современного русского языка. Причастия страдательного залога краткой формы были всегда с одним Н: делан, делана, делано, а причастия полные были то с одним Н, то с двумя. А. И. Соболевский подметил, что когда ударение находится на третьем слоге от конца, то причастие было с одним Н: писаный, брошеный, связаный, а когда ударение—на втором слоге от конца, то были формы с двумя Н; принесенный, приведенный, спасенный, почтенный. „Русский язык древнейшей эпохи, писал Соболевский,—не знал форм с двумя Н. Они сравнительно новы и обязаны своим происхождением влиянию ота причастных прилагательных на ЛЕН или НЕН: „неизглаголален" неизглаголаннаго, неписанен—неописанного и т. д. (Лекции, 262 стр.).

Склонение кратких причастных форм страдательного залога в современном русском языке утрачено. Сохранились только формы именительного падежа, которые служат для выражения сказуемого, например: взят, читан, любим и т. д.

16. Синтаксис старо-русского языка

Синтаксис старо-русского языка XI—XIV вв. имел следующие наиболее заметные особенности:

а) Употребление родительного падежа без предлога „из", «от», например: „А кто нас будет жив" (Лавр. летопись). Здесь, вместо слов «кто нас» на современном языке надо сказать: «кто из нас». Еще примеры: «Корабля твоего изиду»; „бед свобождени быша; ты каких родов? Я города Киева".

б) Дательный принадлежности: „Копье Лете сквозе уши коневи“ (Летопись).

в) Дательный для обозначения места, без предлога: «Приде Ольга царю-городу; Приведе Володимир с Мстиславом вся бояры новгородския Кыеву (Летопись). Избивая гуси и лебеди завтраку, и обеду и ужину“. «Чему господине насильно веешн»? (Слово о полку Игореве).

в) Винительный для обозначения меры, на вопрос: как далеко? сколько? Пример: „Ста Володимир дали (поодаль) града стрелище едино“, т. е. на расстоянии полета стрелы, пущенной из лука.

г) Винительный и именительный с неопределенным наклонением: «Кто мнить ся премудр быти? Ведеши мя быти христианина».

д) Творительный причины: «милостию бояр, молитвами угодников».

е) Для обозначения места употреблялся местный падеж без предлога: „Седе святополк Кыеве; Бысть пожар велик Кыеве; Изяслав кънязь правляаше стол отца своего Ярослава Кыеве; Посади Ярослава Ростове; Бе тогда Ярослав Нове-городе“ (Летопись).

ж) В повествовательном предложении сказуемое ставили раньше подлежащего: «И повеле Ольга; и вниде Игорь».

з) Краткое причастие с вспомогательным глаголом „быти“; „Беша бо угри ходяще аки половцы“; «Поеха на место, идеже бяху лежаще кости его»; «Ростислав сошел есть в Литву» (Летопись). «А бых не слала к нему слез на море рано» (Слово о полку Игореве).

и) Определительные слова часто с кратким окончанием: «Черлен стяг, бела хоругвь, сребрено стружие храброму Святославичу (Слово о полку Игореве). Бел ясен сокол; красно солнышко.

к) После глаголов, обозначающих движение, например: итти, вместо неопределенного наклонения, ставили достигательное наклонение, а дополнение при нем—в родительном падеже: „Иду ловит рыб“.

л) Подчинительные союзы в старо-русском языке были иные, чем в современном,—а именно:

Определительные предложения подчинялись посредством местоимения ИЖЕ: «Поищем собе князя иже бы володел нами» (Летопись).

Временные предложения связывались посредством союзных слов: егда, дондеже, яко: „Егда же подпьяхуться начьняхут роптати на князь“ (Летопись).

Условные предложения подчинялись посредством союза АЩЕ: «Аще ся ввадить волк в овце, то выносить все стадо, аще не убьють его» (там же).

Сравнительные предложения связывались союзами: яко, якоже: „Живяху в лесе якоже и всякии зверь".

Целевые предложения – при помощи союзов да, дабы: „Послися к брату своему Володимиру дабы ти помогл".

Причинные предложения—через союзы: яко, зане: «Не хотяше ити ис Кыева зане улюбел ему Кыев».

ж) Краткие несклоняемые причастия выполняли роль второстепенных сказуемых и связывались с главным сказуемым союзом И, А, НО: «Пришедше к Днепру и сташа вежами».

з) Оборот дательный самостоятельный. Этот оборот представлял собою соединение дательного падежа имени существительного и причастия, с ним согласованного. Он употреблялся в придаточных предложениях времени или причины и был возможен только в тех случаях, когда подлежащие в главном и придаточном предложениях разные. Примеры: «И недоставшу вину»; „И придоша (половцы) в монастырь печерскый, нам сущим по кельям почивающим"; „Седячю же Глебови Юрьевичу Кыеве, приде множество половцев; Князю Святославу возмужавшу нача вои совокупляти".

17. Лексика русского языка XI—XIV вв.

Принятие греческой веры и болгарской письменности оказало огромное влияние на состав русского словаря. Академик А. А. Шахматов писал, что лексический состав литературного русского языка начала XX ст. по крайней мере наполовину обнаруживает греко-болгарское происхождение, что синтаксический строй пропитан церковно-славянскими чертами и что в словообразовании и даже произношении еще сохранились церковнославянизмы.

Остановимся на словах, пришедших к нам из древне-болгарского языка. История общества показывает, что страна культурная может оказывать свое влияние на страну менее культурную в различных отношениях, в том числе и на язык. Карл Маркс писал: „Страна промышленно более развитая показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего". Киевская Русь в XI в. перестраивалась на рельсы феодального государства и в связи с этим испытывала большую нужду в литературном языке. Между тем словарь древне-болгарского языка, как языка тогда уже литературного, включал в себя ряд технических, политических, культурных терминов и передовых понятий, которые были насущно необходимы для киевского господствующего класса. Мы имеем основание

думать, что представители верхнего слоя киевского общества широко воспользовались словарной сокровищницей болгарского языка и черпали оттуда нужные понятия широкой струей. Профессор Никифоров пишет, что отбор болгарских слов тогда совершался по трем признакам, а именно: по признаку более высокого и широкого, чем соответствущие варианты русского языка, по признаку отвлеченного и по признаку культурно-бытового. В „программе—задание" по истории языка он говорит: „Со стороны семантики для древне-болгарских слов, вошедших в русский литературный язык и удержавшихся в нем, характерны или более высокое и широкое, чем у соответствующих русских вариантов значение, например: власть (сравни волость), страна, нрав (сравни норов), социальная среда (сравни середа, середка), бремя, гражданин, хранит (сравни хоронит); или они вносили абстрактные понятия, пример: вред (сравни веред), чуждый, странный, бразды правления, истина, благоволение и т. п. или понятия культурно-бытовые и научные: живописец, врач, землемерие, палата, плащ, проповедь, буква, местоимение, междометие, глава и страница книги" (стр. 13).

Значительная часть слов, воспринятых из Болгарии и перечисленных Никифоровым, об'единяются по признаку отсутствия полногласия. Действительно, неполногласных слов в русский язык XI—XIV вв. влилось очень много. Приведем несколько слов еще: благо, храм, мрак, глава, плен, злато, ограда, награда, хлад, глас и т. д.

Второй отличительной чертой болгаризмов является звукосочетание ЖД, например: нужда, одежда, вождь, прежде, суждение, навождение, рождение, принуждение, жажда, обеждать и т.п.

Наличие звука Щ (шт) точно также служит признаком болгаризмов: нощь (ночь), мощь, пещера, общество, вещь, завещать, освещать, похищать, прощать и т. п.

Суффиксы старых причастий и превосходных степеней: УЩ, АЩ, ВШ, ЕЙШ — обнаруживают славянское происхождение слова; ходящий, несущий, текущий, взявший, славнейший.

Наконец, к числу показателей на славянизмы относятся суффиксы ТЕЛЬ, ЕНЕЦ; искуситель, мучитель, учитель, первенец, младенец и т. д.

Кроме слов болгарских, русский язык получил довольно и греческих слов, главным образом через Болгарию, например: корабль, камора, терем, банка, баня, кадка, кровать, лохань, миска, скамья, тетрадь, грамматика, парус, зипун, лента, хрусталь, бандура, литавры. Через греков русские узнали: кулич, оладьи, кутью, сахар, огурцы, свеклу, кефаль, скумбрию и т. д. Греки же научили делить год на 12 месяцев. Они же ввели слова: евангелие, апостол, епископ, иерей, икона, ангел, дьявол, демон, идол, и т. п.

Далее, в языке XI в. было наличие слов немецких, пришедших через варягов: Аскольд, Рюрик, Игорь, Олег, Ольга, ябеда, дротик, багор, якорь, крюк, ларь, сельдь.

Наконец значительное количество слов пришло с востока, например: бархат, жемчуг, кафтан, шуба, шелк, бисер, бусы и др.

18. Диалектические особенности в старо-русском языке

Выше мы видели, что диалекты старо-русского языка ведут свое начало от племенных языков. Это во-первых. Во-торых, Русь X XIV вв. состояла из ряда самостоятельных областей, при чем в каждой из них господствующий слой общества, т. е. боярство, духовенство и купцы, создали свой говор. Этот говор верхнего слоя населения имел свои местные особенности, которые и проявлялись в письменном языке. Так возникли в старо-русском языке областные диалектизмы. Диалектизмы же порабощенных слоев древней Руси в письменный язык привиться не могли, так как грамотность не была их уделом. Наиболее заметно областные диалектизмы обозначались в рукописях Новгорода и Пскова.

Новгородские памятники характеризуются следующими чертами:

а) взаимной меной Ч и Ц: црево, владыциче, вьсяческая, цвет, конець, и т. д. (Минея 1095 г.; у купчев, отча, проць (Догов. новгор. 1270 г.).

б) звуковыми сочетаниями ЖГ вместо церковно-славянских ЖД: дожг, пригвожгаема (Минеи 1095 и 1096 г.);

в) заменою ять И: тило, человиче.

Псковские памятники имеют те же самые диалектизы, что и новгородские.

Кроме того, они имеют две специфических псковских черты, а именно: взаимная мена Ж и З, Ш и С: здати (вм. ждати) смешил (вм. смесил), озиве, ѣшю (Параклитик 1369 г.).

Обе последние диалектические черты в живых говорах современности отражения не имеют.

Московские памятники в конце XIV в. дают первые следы аканья. Старший памятник с признаками аканья, по словам А. И. Соболевского, — евангелие 1339 г., написанное в Москве. Там мы встречаем слова: кака ты глаголеши; и есть дивна; в в апустевши земли.

Далее, диалектизмы проявлялись и в лексике вышеупомянутых говоров. Часть слов чисто местного значения теперь уже вышла из употребления, но зато другая—осталась до наших дней. Так, в новгородском районе вошли в обиход слова: ап-

рель, вместо—апрель, цапля вм. чапля, сиверко, вм. сéверко; милостина вм. милостыня и т. д. Из московского диалекта перешло слов в литературный язык больше: заря, карман, калач, стакан, завтрак, паром, крапива, кашúра, барсук, катить, лапта, касатка, Авдотья и др.

Заключение к отделу. Заканчивая изложение отдела о состоянии русского литературного языка в X—XIV вв., подведем итоги.

1. История русского литературного языка показывает, что ранний письменный язык возникает как язык господствующего класса, об'единяет представителей этого класса разных районов (Киева, Новгорода и др.) и по происхождению бывает не родным.

2. Русский письменный язык по своей природе—язык древнеболгарский. В основе древне-болгарского языка был говор верхнего слоя болгарского общества. Из Солунского округа Македонии. Говор этот был создан в связи с интересами торгового капитала Болгарии.

3. В Киевской Руси в эпоху установления торговых связей с Византией и сложения феодализма, командующий класс русского общества, в первую очередь верхний слой г. Киева, выработал свой говор и испытывал нужду в письменном языке.

4. Близость стадии исторического развития древней Болгарии и Киевской Руси и однородность экономических интересов предопределили значительное сходство не только в говорах господствующего класса той и другой страны, но и в говорах масс.

Когда Киевская русь приняла греческую веру и религиозные книги на древне-болгарском языке, то этот древне-болгарский язык оказался понятным не только для бояр, купечества и духовенства, но и для порабощенных слоев и потому легко сделался языком церкви и книжного просвещения. На нем читали и пели в храмах, на нем говорили проповеди, миссионеры вели беседы и на нем ранние интеллигенты писали свои оригинальные произведения. Первые учителя грамоты были служители христианского культа, а школами подготовки грамотных людей—монастыри. Монастыри же были и главным местом размножения книг. Так древне-болгарский язык на русской почве превратился в язык церковно-славянский, точнее в язык церковно-литературный.

6. Но этот церковно-литературный язык на Руси не остался чисто древне-болгарским языком. В виду разницы в звуках древне-болгарский язык в устах русских людей сразу же подвергся изменениям в духе русского произношения. Так, например, в Киеве, вместо юсов произносили У и А. В произведениях более или менее светского характера пробивались черты

живого говора, например: полногласные формы (Володимир), в морфологии, в лексике, в областных диалектах (чеканье, цоканье, аканье и т. д.).

7. Письменных языков в Киевской Руси было два: один строго выдержанный церковно-литературный и второй—деловой с уклоном в светский разговорный диалект господствующего слоя русского общества. На первом языке писались произведения церковного обихода, а на втором—грамоты, юридические акты, летописи, художественные произведения и т. п.

19. Русский язык XV-XVII вв.

В следующую эпоху центр строительства русского литературного языка переносится с юга на северо-восток. Произошло это перемещение языкотворческого центра по следующим причинам. Царьград захватили крестоносцы и этим нарушили торговлю Византии с Русью. В связи с прекращением торговли с греками Киев потерял источник своей живительной силы и скоро захирел.

Одновременно с замиранием жизни в Киевской области усиливается пульс русской жизни на северо-востоке Европы, именно в углу, образуемом Волгой и Окой. Земля эта долго называлась Суздальской, а потом стала именоваться Московской. Через эту территорию издавна проходили два пути: один из Смоленска к Волге и второй из Новгорода на Рязань. (Покровский). По этим путям шла торговля и сильно оживляла край. Но в XIV в. торговля расширяется, в связи с удлинением торгового пути. К этому времени в Крыму, вместо греков, приобрели большее значение итальянцы. Их генуэзские купцы выстроили там свои города: Кафу и Сурож (ныне называется Феодосия и Судак) и развили широко обмен с северо-восточной Русью. Обычно русские гости спускались Окой и Доном в Крым и сбывали свои товары в Кафе и Суроже. В свою очередь, генуэзские купцы из Крыма поднимались по тем же рекам в Москву и там имели даже свой сурожский ряд. Завязывалась торговля и с Востоком. Одни купцы ездили к татарам, в Сарай, другие спускались по Волге и потом караванным путем проникали до самого Самарканда. Так главный двигательный нерв ушел от Киева и переместился в Суздальский край. Параллельно с успехами торговли в этом крае поднялось земледелие. Земледельцы перешли к новому трехпольному хозяйству, господствующему с Карла Великого везде в Европе. Население края выросло, между поселками и областями наладились хозяйственные связи. Так подготовлялось об'единение Руси.

Из городов Суздальской земли выше других поднялась Москва. Ее росту содействовали прежде всего упомянутые торго-

вые пути и удаленность от пограничной полосы, угрожаемой нападениями кочевников. Вместе с Москвой выросло и значение московского князя. Последний, опираясь на свои большие материальные рессурсы, на покровительство татарского хана и поддержку со стороны церкви сделался довольно скоро главой всех русских князей. Так Иван Васильевич Грозный уже имел все шансы считать себя не только сюзереном всех русских феодальных владетелей, но и единоличным государем Московской державы. Московское государство, конечно было классовым. Верхний слой общества составляли—бояре, дворяне и духовенство.

Задачи расширения торговых связей внутри страны совместно с задачами централизации власти побуждали правительственную верхушку московского общества выработать русский литературный язык. Честь создания московского литературного языка принадлежит Москве. Последняя, находясь на стыке населения двух бывших племенных союзов и их языков: северорусского и восточно-русского имела возможность выработать наиболее приемлемый диалект для целей господствующего класса Диалект этот больше известен под именем Московского говора. Генетически московский говор представляет соединение русских наречий: акающего и окающего. В основе акающего наречия был язык восточноруссов в соединении с языком финского племени „мурома", а в основе окающего наречия—язык севернорусов в соединении с языком финского племени „меря". В XIV-XV вв. язык московского общества уже оформился и даже проник в письменность.

Звуковые особенности московского говора таковы:

А. От акающего языка:

1. Акание, т. е. произношение орфографического О в слоге перед ударением, как А: Масква; даска.

2. Иканье—произношение орфографического А, Я, Е в слоге перед ударением, как И: чисы, виду (часы, веду).

Б. Из окающего языка:

1. Звук Г взрывной (друг, струг).

2. Звонкие согласные звуки в конце слова и перед глухим согласным переходит в глухие: крофь, хлеф, лафка, подкофка; глас, друк, дуп.

3. Т в окончании ед. и мн. ч. глаголов произносится твердо: идет, идут, везет, везут.

4. В род. п. ед. ч. имен прилагательных и местоимений окончание ВО: доброво, ево, тово.

В морфологии московского говора тоже находим некоторые особенности:

Так, в падежных окончаниях, кроме основных форм, мы встречаем вторые формы: на шолку, поясов, судов (дух. Ив. Калиты).

В дат. п. мягкого склонения ять вм. И: братье;

В родит. пад. имен прилагательных окончание ОГО: виноватого (грамота 1341 г.).

В синтаксисе после глаголов действительного залога в именах живых предметов начинает применяться форма родит. пад., вместо винит.: «пожаловал есмь сокольников печерскихъ» (гр. Ив. Калиты).

В лексике московского говора получили преобладание слова окающего диалекта. Для наглядности прибегнем к сравнению слов:

Окающий диалект	Акающий диалект
Петух	кочет
наседка	куруха
ухват	рогач
ковш	корец
волк	бирюк
кочан	вилок
паук	мизгирь
петь (песни)	играть (песни)
крынка	махотка
утонул	залился

Таков разговорный язык верхнего слоя московского общества. Этот язык через систему феодальных и торговых отношений скоро распространился по всем городам Московии, сделался языком светским, даже вытеснил областные языки, например: в Новгороде и Пскове. Так, под влиянием московского языка в Новгороде исчезло цоканье, а в Пскове: и цоканье, и твердое Р и смешение У и В. Чтобы не быть голословным, обратимся к фактам. В Новгородском евангелии 1355 г., написанном по заказу архиепископа Моисея, главная и наиболее заметная особенность новгородского языка—замена Ч и Ц и обратно—встречается чрезвычайно редко, всего несколько раз. В новгородском служебнике 1400 г., принадлежавшем Хутынскому монастырю, нет даже ни одного случая замены Ц и Ч. Нет точно также смешивания Ц с Ч и в триоди 1410 г., писанной в Вологде.

Сравнение текстов новгородских летописей по синодальному списку XIV и XV вв. приводит нас к тому же выводу, что московский говор очищал литературный язык от неприемлемых диалектизмов. Так,

в списке летописи XIV в.	в списке летописи XV в.
плесковици	плесковичи
новгорочкии	новгородскии
Мстиславиць	Мстиславичь

В дополнение к изложенной истории московского языка необходимо прибавить еще несколько сведений об обогащении русского лексикона в XIV—XV вв. от соседних народов, а именно:

1. От татар русский язык получил следующие слова: нагайка, колчан, кинжал, шатер, караул, кандалы, кулак, булава, хоругвь; маяк, курган, боярин, есаул, казак, богатырь. хозяин, толмач, баскак; таможня, казна, алтын, деньги, вьюк, товар, бисер, аршин; лошадь, бык, коза, собака; телега, сухман, армяк, тулуп, колпак, башмак; кабак, кощей, болван, ура и т. д.

2. От турок: бархат, кумач, сафьян, тесьма; кафтан, сарафан, шаровары, кушак, башлык; сундук, чемодан, стакан, карандаш, кибитка, арба, каюк; табун, аргомак, мерин, бугай; бурый, буланый; кумыс, каймак; лапша, изюм, фисташки; гайдамак, балбес, хам, башка и т. д.

3. От германцев и римлян, через западных славян; король (от имени Карла Великого) и царь (цесарь—от имени Цезарь).

Так зародился и развивался московский деловой светский язык. История церковно-литературного языка XV—XVII вв. несколько иная. Последний был перенесен на северо-восток русской земли из Киева в готовом виде, вместе с религиозными книгами, здесь подвергся значительным изменениям.

20. Второе южно-славянское влияние

С половины XIV в. оживились наши сношения с южными славянами. Причин к усилению этих сношений было две. Во-первых, русские богослужебные книги, размноженные через малограмотных переписчиков, за четыре столетия копировки их приобрели много не только орфографических ошибок, но и прямых искажений смысла. На этой почве в среде руководителей церковной жизни возникла идея восстановления текста по древним оригиналам. Но так как знатоков греческого и болгарского языков в Москве не было, то пришлось пригласить интеллигентных переводчиков из-за границы, т. е. из Греции, Болгарии, Сербии. Во-вторых, в Болгарии как раз к тому времени была закончена правка религозных книг по подлинникам и эти восстановленные книги получили наименование „книг тырновского извода". Такое название эти книги получили потому, что исправление книг и их переписка производилась по инициативе и под непосредственным руководством болгарского патриарха Евфимия Тырновского (ум. 1393г.). После падения Бол-

гарии, разгрома Сербии на Коссовом поле и падения Царьграда (1453 г.) болгарские и сербские книжники нахлынули в Москву и принесли с собой книги тырновского издания. Эти эмигранты были встречены светской и духовной властью Москвы очень радушно и приглашены помочь в деле проверки и исправления русских религиозных книг. С приездом болгарских и сербских книжников началось так называемое второе влияние церковно-славянского языка на русский литературный язык, влияние более вредное, чем полезное. Под воздействием приехавших на Русь болгар и сербов быстро изменилась на старый лад и орфография, и морфология, синтаксис и семантика, а именно:

В области орфографии опять возродились большие юсы, восстановилась ять; букву Ы стали изображать—Ы по сербскому образцу, так как у сербов ер давно был вытеснен Ь; буквы ер и Ь, усвоившие уже себе значение знаков твердости и мягкости, вовлечены между собой в борьбу—и Ь стал заменять ер по примеру сербского правописания; А писали вместо всякого иотированного А (моа, своеа); буква У в греческих словах заменялась ижицей; перед гласными буквами вошло в употребление I; Т стали изображать повернутым вверх ногами или в виде цифры 7; ЖД вместо Ж; над буквами появилась масса надстрочных знаков и чуждые русскому языку ударения, например: искони (ударение на О), воде (ударение на О), вино (ударение на И). Большинство этих нововведений в жизнь не прошло вследствие несоответствия букв живому языку. В виде исключения уцелело только сочетание ЖД в таких словах, как: чуждый, надежда, рождение, суждение, побеждать, насаждать.

В области форм возвратились болгаризмы;

а) вместо холод—хлад, вместо город—град;

б) слоги ОР, ЕР, ОЛ, ЕЛ, стали замещаться церковно-славянскими РЪ, РЬ, ЛЪ, ЛЬ, например: влъкъ, тръгъ, вместо старорусских: вЪлкЪ, тЪргЪ. Но иногда тут получался, что называется „перегиб", так слова «первый», „верх" и т. д., миновав старо-русскую традицию „пьрвый", «вьрхЪ» изображались даже не через „прьвыи", „врьхЪ", как писал, например, дьякон Григорий, а через „прЪвыи, врЪхЪ", где „ер" ясно свидетельствует о твердом произношении слогового звука Р у южных славян того времени;

в) исчезает буква ять в форме род. п. ж. рода и в формах им.—вин. п. мн. числа, заменяясь малым юсом, иотированным А или простым А: доуша, земля, сеа;

г) в именах существительных муж. рода восстанавливались формы: сыновом, сыновех, триех;

д) в именах прилагательных появляются нестяженные формы новааго, новоуоумоу;

е) окончание ОИ в им. пад. имен прилагательных мужеского рода (слепой, волостной)—писалось через ЫИ—слепыи, волостныи.

В лексике возвращаются болгаризмы. Чтобы наглядно видеть, в чем тут дело, сравним отрывок из летописи по спискам XIV и XV вв.

XIV век	XV век
церес	чрес
ночь	нощь
хочем	хощем
межу	междю
рекуче	ркуще
по городом	по градом
переже	прежде
Новогород	Новград
плечи	плещи
к ночи	к нощи
отвеча	отвеща

Такую же картину можно видеть при сравнении текста «Русской правды» по списку 1282 г. и по чудовскому—XV в.

Стиль, принесенный болгарами и сербами XV-XVI вв. в Москву, отличался многословием, напышенностью и непонятностью. Ради красивого слова автор не дорожит ничем, в том числе и жизненной правдой. Средства красноречия сводились к бесконечным тавтологиям и амплификациям. В качестве иллюстрации к сказанному приведу отрывок «плетения словес» из характеристики Стефана Пермского, написанной Епифанием Премудрым в духе сербо-болгарского стиля:

„Что еще тя нареку? Вожа заблужьшим, обретателя погибшим, наставника прельщенным, руководителя умом ослепленным, чистителя оскверненным, взыскателя расточенным, стража ратным, утешителя печальным, кормителя алчущим, подателя требующим, наказателя несмысленным, помощника обидимым, молитвенника тепла, ходатая верна, поганым спасителя, бесом проклинателя, кумиром потребителя, идолом покорителя, богу служителя, мудрости рачителя, философии любителя, целомудрия делателя, правде творителя, книгам сказателя, грамоте пермстей списателя". (Житие Ст. Пермского).

Обилие надстрочных знаков, нерусские ударения, церковнославянизмы, болгаризмы, сербизмы до того „изукрасили" рукописи XV-XVII вв., что современники затруднялись их читать По этой причине возникла потребность в новом грамматическом руководстве. В качестве учебника по русскому языку заимствована была грамматика „О осьми частях слова", составленная в Сербии и грамматика „Сказание о письменах" Кон-

стантина Костенчского. На основе этих двух грамматик в XVI-XVII вв. составлялись первые грамматические руководства по русскому языку. Правила в этих руководствах отличались мелочностью, неясностью и запоминались с трудом, несмотря на опасность быть обвиненным не только в нерадении, но даже и в еретичестве. Начинающий учиться грамоте, согласно грамматическим правилам, сначала должен был вызубрить наизусть 45 букв азбуки, которая проходилась сначала „в стремнину", т. е. в порядке алфавита, затем «навспять», потом «всмесь», т. е. в разбивку. В дальнейшем ученик должен был постигнуть множество надстрочных знаков и правил и твердо помнить, где и когда их употреблять. Между тем правила были не только не ясны, но и субъективны. Чтобы побудить писца одолеть правила, автор руководства не только убеждает, но и пугает его опасностью ввести в соблазн читателя. Так, он пишет: «Что покрыто, то свято, а что не покрыто, то посреднее, ино же отпадашее. Сего ради, о каллиграфе, не смешай несмесная... Кий бо болии сего грех есть еже творити горькое сладко, а сладкое горько... Горе творящему сия: полагает бо соблазн душам» (Ягич, Рассуждения, 710 стр.).

В связи с указанными трудностями чтения и письма возникла надобность в словарях непонятных слов Первые словари непонятных слов, например: азбуковники, по словам профессора А. Д. Григорьева, появились на Руси еще в XIII в., но в XV в. число трудных слов значительно прибавилось и потребность в словаре выросла еще более. Из словарей укажем на два: словарь Лаврентия Зизания 1596 г. и Памвы Берынды.

Таким образом в Московской Руси XV—XVI вв. было два письменных языка: один светский, другой — церковный. Оба языка в эту эпоху настолько отдалились один от другого, что сблизить их, по словам профессора А. В. Михайлова, „не было уже никакой возможности", при чем разрыву между языками много содействовала реформа церковного языка, произведенная болгарами и сербами. Теперь прогрессивным слоям московского общества стало ясно, что церковно-славянская речь отстала от жизни и не может быть не только орудием в борьбе дворянства и купечества с боярством и феодальной церковью, но и просто не может быть средством сообщения в бытовых отношениях. Так обнаружилась несостоятельность церковно-славянского языка и встала необходимость борьбы за русификацию литературного языка.

21. Публицистика XVI в.

Процесс развития феодальных отношений в Московской Руси в XVI в. приводит класс феодалов к распадению его на три группы: боярство (потомки феодальных князей и крупных

землевладельцев), дворянство (создававшее свое новое хозяйство), и монастыри (владевшие вотчинами). Эти группы господствовали, говорит Н. М. Покровский, в деревне, а в городе выростала четвертая сила—сила торгового капитала.

Отношения между этими группами мало-по-малу обостряются и приводят к жестокой борьбе, причем победу одерживает торговый капитал в союзе с дворянством. Таким образом, враждующие силы разбивались так: на реакционной старине стояли бояре и церковь, а на прогрессивной—торговый капитал и дворянство. Московский царь в этой схватке примкнул к дворянству и капиталистам. Так как та и другая из враждующих сторон имели грамотных людей, то спор между ними вылился на бумагу, в публицистическую литературу.

Из боярского лагеря появились „Послания князя Курбского к царю Ивану IV", из самодержавно-дворянского—«Послания и письма царя Ивана Грозного, челобитные Ивана Пересветова и пр. и из монастырской среды—„Валаамская беседа" и др.

Так в результате классовых споров московский язык дифференцировался по социальному признаку: на язык боярский, дворянский и церковно-монастырский. В связи с изложенным московский язык дифференцировался еще и по типу письменной продукции: канцелярский (язык приказов), церковно-книжный, публицистический и светских повестей.

22. Украинское и западно-европейское влияние на язык.

XVII в., рядом с постепенным обрусением церковно-литературного языка вскрываются еще два процесса: европеизации и демократизации его. Соотношение общественных сил, развивающих эти процессы, было сложно и противоречиво. Дворянство и купечество, как наиболее прогрессивные слои московского общества, боролись за слияние в национально-русском русле европейских и демократических речевых элементов. В реакционных же кругах Москвы, т. е. среди боярства и высшей церковной иерархии, было стремление к сохранению древнего церковно-славянского языка в полной его неприкосновенности и вражда к новым стилям: как к европейскому, так и демократическому. А в слоях ремесленников, мастеров, художников и раскольников шла борьба за допущение в письменный язык просторечия.

В изучаемую эпоху усилились торговые и культурные связи русского купечества с Западной Европой и вместе с тем возросло влияние западной цивилизации на Московскую Русь.

Лингвистические западно-европейские отражения шли в Москву из Литвы и Польши, главным образом через Киев.

В XVII в. в пределах Руси существовало два центра церковно-славянской языковой традиции: Москва и Киев, причем каждый из них имел свой район влияния. В упомянутом столетии киевская наука оказалась выше московской. Дело в том, что в то время в Киеве была своя высшая школа, ученым Мелетием Смотрицким в 1619 году была создана грамматика церковно-славянского языка, поставившая своей задачей привести грамматический материал ц./славянского языка из хаоса в систему, и началось применение церковного языка в стихах и интермедиях.

Во второй половине XVII в. представители киевской науки появились в Москве. Так, в 1649 г. приехал сюда Епифаний Славинецкий, в 1664.—Симеон Полоцкий, в 1670 г.—Иоанникий Голятовский и т. д. Эти ученые в Москве были назначены на ответственные посты и получили большую возможность оказывать свое влияние на русскую книжность и воспитание юношества. Будучи сами украинцы и белоруссы, они в Киеве писали свои труды по церковно-славянски, с сильной примесью украинизмов и белоруссизмов. Каков был их киевский язык мы можем видеть даже из заглавия гомилетики (теория проповеди) Иоанникия Голятовского: «Наука, альбо способ зложения казаня» (церковное поучение). Но на московской почве часть киевских ученых, например: Симеон Полоцкий, подпадая под воздействие московской национальной идеи о руссификации книжного языка, обнаруживает явную тенденцию к замене украинских, белорусских и иностранных слов и форм словами и формами церковно-славянского языка, но только такими, которые понятны русским читателям.

Это показывает нам, что киевские ученые, по крайней мере передовая часть из них, стремятся к очистке московского языка от непонятных слов, заботятся об усилении в нем национально-русских элементов. Так, в звуках они устраняли украинские особенности: взамен: тулко, тылко, хто, що, зъ—писали: только, токмо, кто, сто, с. В области форм устранялись те синтаксические конструкции, которые были более свойственны западно-русскому литературному языку, чем московскому, например: при глагольной форме „избрал еси“ стали ставить винительный падеж: „бога, царя“, вместо творительного: „богом, царем“; взамен: «о горделивем» писали: „о горделивом“. Формы наречия и деепричастия берут перевес перед краткими прилагательными и причастиями; „молитву твориши слезне“ вместо «молитву твориши слезен»; „нищ инок суще“, вместо: „нищ инок сущий“ и т. д. Та же тенденция, по словам А. Д. Гри-

горьева и В. В. Виноградова, продолжается и в области лексики. В переработанных в Москве проповедях Иоанникия Голятовского и поучениях Димитрия Ростовского, вместо имен существительных: „персона, казнодей, куншт, оказия", мы находим: лице, учитель, образец, случай; вместо глаголов: «мовити, ховати, дяковати, зробити» видим: глаголати, хранити, благодарити, делати; вместо числительных: „една, едно"—одна, одно; вместо союзов «абы, аже, але»—встречаем: дабы, а, но и т. д. В это время, под обаянием авторитета киевских ученых в церковно-литературном языке закрепляется ряд славянизмов взамен слов чисто русских, казалось, уже твердо укоренившихся не только в устной, но и письменной речи, например: „Владимир, хранить", вместо: Володимир (Остр. еванг.), хоронить (Изб. Святосл. 1076 года) и т. п.

Таким образом, киевские ученые оказали влияние на московский церковно-литературный язык в двух отношениях: во-первых, содействовали усилению в нем процесса руссификации и, во-вторых, помогали закреплению в нем слов высокого стиля, например: град, хлад, златой, живой, пещера, мрак и т. д. Это с одной стороны.

Но с другой стороны, еще с. XVI в. из Западной Европы в Москву лилась широким потоком переводная литература. Согласно выводам А. И. Соболевского, большая часть переводов XVII столетия была сделана с латинского языка, т. е. с того языка, который в то время был языком науки во всей Западной Европе. Несколько меньше переводов было с польского языка и еще меньше с немецкого. Вся эта иноземная литература вела к заимствованию слов латинских, польских немецких. С усилением в Москве латинской ориентации (организация латинских школ) умножается интерес к латинскому языку, а через него и к другим иноземным наречиям.

В результате знакомства русских людей с литературой Запада, в частности с латинским языком, московский язык получил огромное количество новых слов и некоторые новшества в конструкции речи. Так, в области синтаксиса, под влиянием латинского языка, надолго укоренилась конструкция предложения и периода с глагольным сказуемым на конце. Таковы, например, предложения в эпилоге «Комедии о блудном сыне» Симеона Полоцкого:

„Юным се образ старейших слушати, на младый разум свой не уповати. Старым—да юных добре наставляют, ничто на волю младых не спущают".

Этот отрывок характерен не только по конструкции, но и по морали. Он показывает авторитарность старой педагогии и неверие в силы молодежи.

Под влиянием переводной литературы словарь русского языка запестрел иноземными словами. Для иллюстрации сказанного приведем примеры.

а) Слова латинского языка: орация (оратор), экзордиум (вступление), наррация (изложение), конклюзия (заключение), фабула; циркуль, нумерация; глобус, градус, минута; фортеция; персона; гонор, фамилия; фундамент; шляхта; инструкция, церемония; мизерный, центр, цикл и т. д.

б) Слова польского языка; вензель, особа, пекарь, оказия, презентовать, приватный; суптильный; рама; вирша и др.

в) Немецкие слова; бляха, кухня, аптека, солдат, шеренга, мундир и т. д.

Иностранные слова скоро вошли не только в языки профессиональных групп русского населения, но и в круги дворянства и торговцев. Так, автор повести „О дворянине Фроле Скобееве" употребляет ряд иностранных слов, например: банкет, квартира, реестр, публикация и др. Так, мало-по-малу русский язык освобождается от византийско-болгарских церковных оков и приобщается к науке Западной Европы.

Наконец, одновременно с руссификацией и европеизацией московского языка намечается третий процесс—процесс демократизации его. За демократизацию письменного языка стояли прежде всего раскольники. Раскольники обращали свою речь в массы, часто очень темные массы, и потому—естественно—чувствовали острую нужду в простом разговорном языке. Протопопу Аввакуму, Никите Пустосвяту, попу Лазарю и другим расколо-учителям было необходимо приспособить литературный язык к разговорному просторечию. Недаром Аввакум в «Книге толкований» старается внушить царю Алексею Михайловичу, что он, царь, „не грек, а русак" и советует ему говорить „своим природным языком, не унижать его" ни в церкви, ни в дому, ни в пословицах. Стиль языка самого Аввакума совершенно отчетливо отражает две струи: церковно-славянскую и разговорно-народную. Церковно-славянская струя у него обычно состоит из типичных книжных выражений, например: „завопил высоким гласом"; „день гнева ярости"; «тесный путь»; «воздохнув от глубины сердца»; «убойся бога, сидящего на херувимех». Суда же относятся выражения не библейские, но стилизованные в духе славянской речи, например; „зажег три свещи... возложил руку на пламя и держал, дондеже во мне угасло злое разжение" и т. д. В состав разговорного просторечия у Аввакума входят обиходно-бытовые слова, например: „В воду загрузило бурею дощеник мой совсем. Парус изорвало, одны палубы над водою, а то все в воду ушло. Жена моя на палубы из воды робят кое-как вытаскала, простоволоса ходя"; „Сверху

дождь и снег, а на мне на плеча накинуто кафтанишко просто: льет вода по брюху и по спине"; „А протопопица бедная бредет—бредет, да повалится—колско гораздо", „сблудили над церковию с Никоном, с носатым и брюхатым, с борзым кобелем". Иногда автор допускает и еще более вульгарные выражения. Все это показывает нам, что раскольники вели за язык двойную борьбу: во-первых, они хотели из книжного языка искоренить все старые трудные слова, но оставить слова простые, всем понятные и, во-вторых, вместо иностранных слов ввести в письменность язык разговорного просторечия.

Так думали не одни расколоучители. Повидимому, их поддерживали ремесленники, кузнецы, плотники (Покровский). Идея демократизации языка уже зрела да и не могло быть иначе. Книжный язык, обильно наполненный высокостильными церковнославянскими и западно-европейскими словами, связанными в латинские конструкции, был мало понятен даже московской интеллигенции XVII в. Письменный язык коренным образом расходился с разговорным московским диалектом. Об этом англичанин Генрих Лудольф, в своей русской грамматике, изданной в 1683 г., писал так: „Без помощи славянского языка никто из русских не может ни писать, ни рассуждать об ученых предметах, напротив, никто ничего не поделает в делах домашних, семейных с одним только славянским языком, потому что многих слов из житейского обихода нет в тех книгах, из которых почерпается язык славянский. Поэтому, считается правилом: говорить по-русски, а писать по-славянски. Димитрий Ростовский в предисловии к своему „Розыску о брынской вере" (1709 г.) просит читателя не удивляться допущенному им «просторечию» и «некрасному сложению» и оправдывает себя тем, что писал для „самых простых людей". Такое же оправдание счел нужным выставить и другой книжник начала XVIII века, неизвестный собиратель русских пословиц В предисловии к составленному им сборнику он писал: „Аще ли речет некто о писанных зде, яко не суть писана зде от божественных писаний, таковый да весть, яко писана многая согласна св. писанию, точию без украшения, как мирстии жители простою речию говорят".

Столь тяжелое положение с языком заставило московскую власть пойти на уступки в сторону допущения в письменность особенностей московского просторечия. Так, во второй половине XVII в. царь Алексей издал следующий указ: „будет кто в челобитье своем напишет в чьем имени и прозвище, не зная правописания, вместо О—А, или вместо А—О, или вместо ер—ерь, или вместо ять—Е, или вместо И—І, или вместо У—О, или вместо О—У, и иные в письме наречия подобные тем, по природе тех городов, где кто родился, и по обыклостям своим

говорить и писать навык, того в бесчестье не ставить" (Собр. законов, т. 1, № 597).

Таким образом, основными процессами истории московского литературного языка в XVII в. являются: 1) руссификация церковно-славянского языка, 2) европеизация его и 3) демократизация. Все эти три процесса ведут к унификации церковно-славянского языка Киева и Москвы с национально-русским языком. Более подробные сведения о языке второй половины XVII века см. в книге В. В. Виноградова „Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., Москва, Гиз, 1934 г.

Образцы языка XVI—XVII вв. см. в следующих произведениях.

2. Письмо в. к. Ивана Васильевича к жене.
2. Из „Домостроя", главы 1, 15, 29, 40.
3. Из сочинений Курбского.
4. Переписка Грозного с Курбским.
5. Из хронографа Сергея Кубасова, 150 стр.
6. Из повести о горе злосчастии.
7. Из повести о Фроле Скобееве.
8. Из повести о табаке.
9. Котошихин. О московском государстве.
10. Аввакум. Житие протопопа Аввакума (автобиография).

23. Население и язык Беломорья в XV—XVI вв.

Население Беломорья в XV—XVI вв. по памятникам соловецкого архива.

В. О. Ключевский, а вслед за ним И. А. Шляпкин учили, что колонизация Беломорского края русским населением носила исключительно монастырский характер. В курсе лекций по истории русской литературы Шляпкин в 1908 г. писал: „какой-нибудь престарелый монах, наскучив жизнью в монастыре, весной удалялся в эти места (Северо вост. Европа), взяв с собою тулуп, топор и зерна для посева. Выбрав место, всегда живописное, старец приступал к постройке кельи, пускал пал и на вспаханной земле... сеял хлеб. Келья была невелика, из целых круглых бревен, тщательно обомщенных, с волоковым оконцем, с небольшой печью". Скоро около кельи вырастала русская колония. Первоначальная тропа превращалась в проселочную дорогу, связывавшую вновь возникшую деревню с более населенным пунктом. Старец, заметив, что его пустынножительство нарушено, весной опять снимался с места и шел вглубь лесов дальше. На новом месте повторялась та же история. Таким образом, по мысли Ключевского и Шляпкина, в заселении Северного поморья ведущую роль играли монахи-отшельники,

а население, привлекаемое обаянием морального их авторитета, шло за ними.

С изложенным мнением Ключевского и Шляпкина мы согласиться не можем. Не отрицая красоты подвига некоторых идеалистически настроенных отшельников на отдельные личности, мы категорически отрицаем за отшельниками ведущую роль в колонизации севера массами народа. Историк Н. М. Покровский писал, что в рассматриваемую нами эпоху «Заволочье», т. е. страна, находящаяся за «волоком» (между Волгой и Северной Двиной) была новгородской колонией, что эта колония тогда доставляла новгородцам ценные меха в количестве, вполне достаточном для снабжения всей Западной Европы... и что новгородские богачи—бояре, феодалы, землевладельцы, грабившие богатое заволочье, являлись его первыми колонизаторами и завоевателями. (Русск. история в сжатом очерке. изд. 1922 г., стр. 35—35). Документы Соловецкого книгохранилища свидетельствуют, что усиленная тяга населения на побережье Беломорья и Сев. Двины, от Устюга и даже из Москвы, отраженная письменными документами XV—XVI вв., об'ясняется не моральными причинами, а исключительно действием торгового капитала, начавшего с конца XV в. проявлять себя на севере через новгородских промышленников и в XV—XVI вв. через Соловецкий монастырь, почти сразу же после своего возникновения начавший строить свое огромное хозяйство на капиталистический лад. Таким образом, главная колонизующая сила в Беломорском поморье была не в обаянии подвига пустынножительства, а в капитализации сначала хозяйств новгородских богачей, а позднее—монастырского хозяйства.

Далее, ученые финнологи писали, что в начале XV ст. население северного поморья состояло из двух элементов: туземного и пришлого. К туземному элементу они относили—лопарей и кореляков, а к пришлому—русских. Из всех упомянутых народностей финнологи самым древним населением Беломорья считали лопарей. Со слов этнографов финской ориентации, многие думают, что лопари поселились на севере „с незапамятных времен" и что «территория их поселений была огромна», а именно: от реки Невы до Белого моря и от Балтийского моря до р. Северной Двины. Кореляки пришли в северное поморье после лопарей и поселились на той же территории вперемешку с последними.

С изложенной точкой зрения финнологов мы полностью согласиться не можем. Здесь неверно, во первых, то, будто в XV в. русский элемент населения был исключительно пришлым. Документы Соловецкого архива совершенно точно дают указания на два слоя русского населения: на сезонников из Новгорода и оседлых жителей поморья уже в третьем поколении.

Во-вторых, указание о времени поселения лопарей в Беломорье „с незапамятных времен" слишком неопределенно. В свете науки такие слова ничего не значат. Академик Н. Я. Марр в своих трудах доказал, что все народы современности создал один и тот же этногонический процесс, будь то русские, лопари, англичане, кореляки. К. Маркс доказал, что каждый народ сложился под воздействием определенных исторических условий и подвержен изменениям. Формой изменения народа является „скрещение" с другим народом, в результате чего появляется новая этнографическая особь. В отношении к лопарям это значит, что последние в северном поморье не исконно древний народ, а только известная этническая группа, появившаяся в известную конкретную эпоху. Повидимому было время, когда лопарей не было не только на территории Беломорья, но и нигде не было; было время, когда на месте лопарей жили какие то производственные группы, повидимому, в родовой стадии, назывались особыми именами и после скрещения друг с другом образовали лопарскую народность.

Теперь посмотрим, как решается вопрос о составе населения Беломорья в XV—XVI вв. по документам Соловецкого книгохранилища.

Соловецкий монастырь был основан отшельниками Саввватием и Германом в 1429 году на безлюдном тогда Соловецком острове. Монастырские письменные источники сообщают, что в ту отдаленную от нас эпоху на Соловецком острове было много пресноводных озер, изобиловавших рыбой, по берегам его имелось много рыбных тоней, которые только изредка и случайно посещались одинокими рыболовами, что остров густо порос хвойным лесом, годным для построек, что в том лесу росло много грибов и ягод. Словом, место, избранное отшельниками для жительства, оказалось «добро к пребыванию пустынному и безмолвному». Рисуя такую картину, автор монастырского сказания хотел показать нам, что Соловецкий остров был местом, изобиловавшим естественными богатствами, был удобен для поселения на нем смелых пустынников, но безлюден и что берега соседнего поморья тоже были безлюдны или, точнее, сказать, почти безлюдны. Цель автора здесь совершенно очевидна; он хотел оттенить высоту подвига пустынножителей и трудность создания большого монастыря и его хозяйства.

Но в действительности побережье Беломорья в XV в. совсем не было столь безлюдно, как это казалось раннему историку Соловецкого монастыря. Историческая этногеография совершенно отчетливо говорит, что в упомянутом веке в Беломорском поморье обитали лопари и кореляки. Карстен указывает в русской Карелии, недалеко от гор. Каяны, на остатки

лопских хижин. Последние сохраняют сходство, по мнению Карстена, с жилищами безлесной Лапландии, имевшими вид землянок, с конусообразной крышей, сделанной из дерева, камней и торфа. На полу этих жилищ видны уголь, зола, пережженые камни, посуда—словом, многое, что доказывает что когда то тут жили люди.*) Жители Вуоккиенми рассказывают о каком-то лопском правителе, который будто бы имел свою резиденцию недалеко от нынешнего города Кеми.**) Лерберг, пытаясь найти главный пункт местожительства лопарей, указывает между прочим на реку Суму и Сумский посад.***) Из духовного завещания Лазаря Мурманского жившего в XVI в., известно, что лопь и чудь обитали около Онежского озера, именно по восточную его сторону. После своего поселения на Мурманском острове Онежского озера, т. е. около 1352 года, Лазарь так изображает соседнее население: «первее един аз приидох на место сие... живущего никого же не имех. А живущии тогда именовались около озера лопяне и чудь».****)

Вкладные соловецкие грамоты, относящиеся к второй половине XV в., с очевидной ясностью свидетельствуют о пребывании лопарей еще в XV в. в бассейнах рек: Шуи, Кеми, Выга, и др. В качестве иллюстрации к сказанному приведем две следующие грамоты:

а) Се дасть Федосья, Харитонова жена... игумену Ивоне... на Соловки... в Выгу у Золотца участок, и в Шуе реке и Кеме реке, в Килбострове и по всем рекам морским до Сон (Сумы) реки и Лопь страдомая земля. (Солов. ризница).

б) Новгородский посадник Дмитрий Уховр купил на Выгу и в Шуе реке, в Кеме реке и по лешим озерам... отцина в лешей Лопе и в Куто озере и отцина в Кеме реке с верховьем (Солов. ризница). Таким образом, не только берега рек Выга, Шуи, Кеми, но и территория вглубь материка до берега Онежского озера была в XV в. обитаема лопарями.

Карелы, согласно исследованиям Е. Огородникова, поселились в Беломорском поморье несколько позже лопарей. Они первоначально жили, думает Огородников, около Ботнического залива, но потом, теснимые колонизацией шведов, принуждены были отодвинуться к берегам Ладожского озера. История наша застает карелов в качестве военных союзников новгородцев против общего врага их Суми, которая принадлежала к лопскому племени и жила около посада Сумы. В „Соловецком летописце“ о совместном нападении новгородцев и карелов на

*) Зап. русск. геогр. общ., т. II, стр. 598.
**) Там же.
***) Лерберг. Исследов., СПБ., 1819 г., стр. 174.
****) Солов. архив.

сумь упоминается совершенно определенно и о последовавшем разгроме суми и их поселка Сумы.

Следы пребывания карелов в северном поморье подтверждаются названиями местностей, происшедшими явно от карельского языка. Так, между реками Кемью и Выгом есть река Шуя, называемая в актах XVI в. Шуею Корельскою, из четырех устьев дельты Сев. Двины одно до нашего времени называется Никольским-Корельским. По соседству с этим устьем, вблизи моря, еще недавно был монастырь Никольский-Карельский. Из истории последнего видно, что он был основан в 1410 г. монахом Евфимием „среди карельских детей и русских поселенцев". Географическая номенклатура северного поморья точно также свидетельствует о происхождении наименований от карельских корней, например:

«Няндо-ма»—богатая земля,

„Су-ма—болотная земля,

„Унеж-ма"—сон земля (каменистая местность),

«Ух та»—одна жизнь,

«Канда-лакша»—хвост губа,

„Куй-то"—конец скитаний,

«Ман-сельке» — земля — спина, хребет (водораздел между Белым и Балтийским морями) и т. д.

Из духовного завещания новгородца Григория Иванова, относящегося к XV в., видно, что карелы в то время жили по рекам Кеми, Шуе и Вычу. Там говорится: отдаю игумену на Соловки «свою отчину в Выгу реке, Шуе реке, Кеме реке, и Килбострове и на л о п е, куды ходят корельские дети». (Солов. ризница). Таким образом, согласно пергаментным грамотам Соловецкого архива и ризницы, мы устанавливаем факт, что в XV в. в районе Беломорья, начиная от устья Сев. Двины и далее к западу жили кореляки, при чем в бассейнах рек—Кеми, Шуи и Выга кореляки обитали вперемешку с лопарями.

Для полноты этнографической картины северного поморья в XV в. следует еще рассмотреть свидетельство игумена Досифея, современника третьего соловецкого отшельника—Зосимы. В книге «Сад спасения» игумен Досифей так обозначает население, соседившее с монастырем в XV в. „Тамо живущи человецы, близ моря и округ острова того, малосведущи российского языка: ижера, чудь, лопь... и инии мнози языцы". (Солов. ризница). Между соображениями, высказанными выше и известием Досифея противоречия нет. Очевидно, игумен Досифей под именем „ижорян" разумеет карелов. С этим нашим предположением вполне согласен более поздний соловецкий историк-архимандрит Досифей. Этот архимандрит Досифей в 1833 г. написал книгу «Географическое, историческое и статистическое описание Соловецкого монастыря», где вышеприведенное сви-

детельство игумена Досифея о населении Беломорья подверг специальному исследованию. В результате изучения документов, до нас не дошедших и местных преданий, архимандрит Досифей пришел к убеждению, что под именем «лжорян» нужно разуметь не кого другого, а именно карелов. Архивные документы в Соловках содержались весьма плохо. Сохранилось известие, что старые соловецкие рукописи много десятков лет лежали в полуразрушенной башне крепости, подвергаясь действию дождя и снега столько раз, сколько раз эти осадки в те годы выпадали. Потом, после протеста кого-то из наших ученых, документы были перенесены в полуподвальное помещение, разложены по полкам небольшими стопками по признаку размера бумаги и даже вошли в «опись». Все такие «стопки» завернуты были в серую бумагу, перевязаны ниткой, пронумерованы и однообразно озаглавлены № такой то «разные документы различных годов» или иногда «документы разных веков». Около 1906—1907, соловецкий настоятель, опасаясь, чтобы старые рукописи не вскрыли чего-нибудь «предосудительного» из истории монастыря, разрешил документы «употреблять в братском нужнике». Сколько времени и в каком количестве «братия» пользовалась рукописями точно неизвестно, но еще в 1908 г. я видел в уборной монашеского корпуса «короб» размером 1×2 метра, наполненный архивными материалами в числе которых оказался свиток, длиною 36 столбцов, содержащий опись библиотеки монастыря во время игуменства известного Филиппа Колычева, впоследствии митрополита московского. При таком своеобразном отношении администрации монастыря к историческим письменным источникам нет ничего удивительного в том, что многие ценные документы бесследно утратились, и архимандрит Досифей, конечно, мог знать соловецких документов гораздо больше, чем знаем мы. Какую этнографическую особь имел в виду игумен Досифей под словом «чудь», сказать трудно. Нам известно, что предание о чуди «белоглазой» среди крестьянского населения сохраняется еще теперь на территории всей бывшей Архангельской губернии. Местожительство чуди, в виде оставшихся ям, указывают и на Онеге, и на Пинеге и Ваге. Е. Огородников, написавший большое исследование о древнейшем населении бассейна Сев. Двины и побережья Ледовитого океана, по вопросу о чуди пришел к выводу, что особого народа «чудь» в Беломорском поморье не было и что это имя собирательное, придуманное русскими для обозначения всех нерусских насельников края. Заключении Е. Огородникова мы считаем вполне вероятным, так как наименование «чудь» никогда и нигде в Беломорье не приурачивается к какому нибудь определенному этническому элементу. Под выражением «инии мнози языцы», по толкова-

нию архимандрита Досифея, игумен Досифей разумел коми и ненцев. Первые из них в XV в. обитали к востоку от западного берега Сев. Двины, главным образом, по реке Вычегде, а вторые—в нижнем течении Печоры. Значит, свидетельство игумена Досифея не колеблет наших выводов о местожительстве в XV в. лопарей и кореляков, а только прибавляет к ним отдаленных соседей—коми и ненцев.

Карелы и лопари в XV в. в Беломорье имели свои вотчины, угодья и промыслы. В одной дарственной Соловецкому монастырю грамоте обозначаются земли; на море, в Карелe, „межю пяти родов, куды ходят корельские дети". В грамоте варзужского вотчинника Марка, писанной в XV в., читаем: „в Кумбе реке на морском берегу ловища и по рекам и по лешим озерам ловники, куды иные вотчинники владеют корельские дети" (Сол. ризница). Но этого мало. Кореляки считали себя претендентами на земли, еще не занятые ими. Когда Савватий и Герман поселились на необитаемом Соловецком острове, то кореляки, как близкие соседи к острову, заявили притязания на их исключительное право владения этим островом. Они говорили отшельникам: «мы ближайшии есмы острову, яко того наследницы, природнии суще земли корельския и нам паче подобает тамо участие имети и чадом нашим в роды» (Сказ. о жизни Германа и Савватия). Во время управления монастырем Зосимы отношения между монахами и прибрежными жителями настолько обострились на этой почве, что потребовалось из Новгорода для монастыря особая владельная на острова Соловецкого архипелага грамота. Несомненно на этой же почве возникла и легенда о двух ангелах, которые выпороли „дубцами" (розгами) женщину-корелянку за то, что она хотела со своим мужем поселиться на Соловецком острове. Поселение на острове женщины с мужем предполагало появление потомства с наследственными правами на занятую землю. И вот, чтобы гарантировать себя в будущем от возникновения деревни на острове, монахи придумали легенду о недопустимости женщины на соловецкой земле, под страхом порки от руки ангела.

На основании изложенного заключаем: в XV в. в Беломорском поморье оседлое население составляли лопари и кореляки. Но сказать, что лопари и кореляки являлись исключительными насельниками северного поморья—неверно. Новгородский торговый капитал еще значительно раньше XV в. открыл богатства Северного края и уже согнал туда для прибыльной эксплоатации сотни подчиненных своему влиянию людей. Не могут умолчать об этом и соловецкие документы. Оказывается, ватаги отважных новгородских промышленников уже давно знакомы были с местностями, огибающими Соловецкий остров с востока, юга и запада. В сказаниях о жизни основателей Со-

ловецкого монастыря мы несколько раз встречаем новгородских купцов, которые плавали по Белому морю, добывая рыбу и морского зверя или скупая этот товар у прибрежных жителей. Так, здесь мы находим новгородского купца Иоанна «идущего водным путем с куплею», купца Федора, потерпевшего кораблекрушение на море, нескольких купцов, „прилучившихся" в монастыре во время игуменства Зосимы. Приведенные факты показывают, что еще в XV ст. побережье Белого моря, соседящее с Соловецким островом, уже посещалось новгородскими промышленниками.

Далее, рукописные источники соловецкого архива свидетельствуют, что в XV в., повидимому, еще до возникновения Соловецкого монастыря, на громадных прибрежных пустошах, расположенных чаще всего в нижнем течении многочисленных рек и речек, вливающихся в Белое море, уже существовали постоянные поселки новгородских промышленников. В соловецком книгохранилище имеется около 30 вкладных грамот новгородцев, относящихся к XV в., на право владения занятыми ими в Беломорье землями. С содержанием этих грамот частично мы уже знакомы и частично познакомимся в своем месте дальше, а потому теперь их цитировать не будем. Эти грамоты проливают свет на то, было ли в XV в. русское население в Беломорье, какие факторы увеличивали количество этого населения и какие капиталы содействовали развитию экономики в Северном поморье? Грамоты показывают, что главными приобретателями земель в Беломорье были новгородские капитализировавшие тогда посадники, например: Офонас Есипович, Дмитрий Уховр, Марфа Борецкая; новгородские бояре, например: Своеземцевы, Окладниковы, и разные другие предприимчивые богачи, как: Клим да Иван, Михаиловы дети; Федосья, Харитонова жена и др.

В начале XV века в Новгороде создался даже своего рода ажиотаж на покупку земель в Беломорье. Вкладные грамоты Соловецкого архива вскрывают любопытный факт: оказывается, новгородский архиепископ не отставал от капиталистических настроений своей „паствы" и на берегу Северн. Двины, в 20 километрах выше гор. Архангельска, купил четыре сельца на Бобровой горе. Вот пергаментная грамота, свидетельствующая об этом: „Се аз... Феофил дал Соловецкому игумену... и старцам Бобровую гору, четыре сельца и землю, и воду, и полеший лес и водные ловища". (Солов. ризница).

Все эти новгородские землевладельцы посылали в поморье своих рабов или привлекали туда вольных бобылей, которым в Новгороде хорошего ничего жизнь не обещала, и беглых казаков. Эти то вот рабы, бобыли и казаки и составляли основ-

ную рабочую силу новгородских промышленников в Беломорье. Сами промышленники в Северном поморье бывали временно, наездом, чаще в летнее время, а упомянутые их рабы, бобыли и казаки жили там все время.

Но сводить все русское население в Беломорском поморье к группе несвободных и беглых совершенно недопустимо. Соловецкие грамоты говорят нам о наличии в поморье и свободных русских поселенцев, живших там еще до основания Соловецкого монастыря, т. е. в конце XIV или в самом начале XV в. Вот доказательства этого нашего положения. Соловецкие документы XV в. свидетельствуют, что некоторые русские люди имели в Беломорье земли не только «отчины», но и «дедины» Так „поп Максим купил у Нефедовых детей: у Бориса и Ондриана и у Парфения отчину и дедину их (землю) на летней стороне". Примечательно здесь и то, что отчину и дедину землю купил поп, а не простой человек. Наличие попа в поморье да еще желающего „сесть" на оседлое жительство предполагает более или менее значительное население. Далее, документы оговариваются, как мы видели выше, о том, что лопари и кореляки, хотя и немного, но были сведущи в русском языке. Но русский язык, хотя и «мало», скоро усвоить нельзя. Это обстоятельство опять наводит на мысль о том, что русское население в поморье было не все пришлое и временное, а было и оседлое, жившее там постоянно.

Итак, согласно соловецким архивным источникам, в XV в. в Беломорском поморье оседлое население состояло из трех элементов: лопарей, кореляков и русских. В это же время началось в Поморье усиленное движение промышленников из Новгорода для добычи соли, рыбы и морского зверя.

Что же касается населения восточнее Сев. Двины, то Соловецкие грамоты об этом ясных указаний не дают, исключая сообщения о четырех деревнях около Бобровой горы на Двине. Они же дают намек о существовании народов—коми и ненцев. Согласно новгородским документам ненцы обитали в „стране полунощной", т. е. самом северо-восточном углу Европы, а коми главным образом в бассейне реки Вычегды. Наименование рек: Вымь, Сысола, Ежва, Емва, Лопья и т. п. взяты с языка коми и показывают, что творцы этих слов в старину жили именно тут.

Русские поселенцы на берегах Сев. Двины историческими источниками твердо зарегистрированы не позднее XIV века, а в XV в. они уже имели значительные села, даже приходы. Так, опись двинских земель, составленная в 1471 г. по случаю перехода их от Новгорода к Москве, указывает в нижнем течении Сев. Двины ряд следующих селений: Емецкий погост, Ухт-

остров, Холмогоры, Чухчерема, Курья, Койдокурье, Кехта, Княжестров, Соломбала. По реке Пинеге упоминаются: Кеврола, Чакола.

Таким образом, русское население Беломорья и нижнего течения Сев. Двины в XIV—XV веках тесно смыкалось с финскими племенами: на западе—с карелами и лопью, а на востоке—с коми и ненцами. Под влиянием взаимодействия языков здесь, как и в районе несколько севернее Москвы, выработался окающий русский диалект, причем окающий акцент на с.-двинском севере оказался сильнее, чем на средней Волге.

Древние письменные памятники северных архивов донесли до нас следующие особенности русского языка Северного поморья XV—XVII вв.

1. **Окание.** Переход неударенного **А** в **О** встречается во всех северных грамотах, начиная от XV столетия, т. е. с момента появления первой рукописи в Беломорье. Следы окания заметны в многих словах, но особенно резко они проявляются в фамилиях, именах и географических названиях, например:

а) Онтон, Олексей, Ондреевич, Олексеев, Вохромей, Ондрей, Олександр, Олуферьевичь, Омос, Онциферов, Остафьев; Орлецы, Онега, Сороцкой (XV в. Соловецк. и Двинск. грамоты).

б) Онтоней, Онфимов, Остафьев, Омосов, Олексеев, Ондронов, Онаньин, Осеев, Обросимов, Онофриев, Ондреянов, Онциферов, Оврам, Понкратов, Сумороков, Поташев, Кологривов, Олешко, Федко, Олферко; Офонасьевская деревня; волостишко не запустело; от розлуки; с женою розвел; розрубной список; розруб розрубил; росход, росчет, лодья, лодыга, прогон (XVI век, Лодомские грамоты).

2. **Следы произношения глухих гласных:** Михаило, Курило, отеце, Степано, детемо, Кирило Юрьевиче, коромление, Черенечемо, Гаврило, Фоко Дешин (Двинск. грам.).

3. **Пережитки твердого произношения заднеязычных согласных звуков:** белкы, рекы, в векы, истокы, веревкы, подворникы, убыткы, посланникы, в отпускы, у Лукы, Никитын сын (Двинск. и Лодомск. грамоты). Но на ряду с твердым произношением заднеязычных в тех же Двинских и Лодомских грамотах гораздо чаще встречаются случаи смягчения их, например: реки, наволоки, веревки, Никита и т. п. Повидимому, твердое произношение заднеязычных в нашем северном русском языке бытовало до конца XVI в., так как еще в отписи сотника Федора Харлова, от 14 сентября 1581 г., в получении денежных сборов на Лодьме, встречается выражение „государствы посланникы"—с твердым звуком К.

4. **Смешивание звуков Ц и Ч:** на Емци и на Емчи; от Чухчи и до Цюхчи; за волоцком; Цеть, Четь; овца, пецать и пе-

чать; отцина; оцищиват; церен (чрен); цист, цистит; купцяя (Двинские и Лодомские грамоты).

5. **Цоканье**: гребци, у золотця, матигорци, Сороцьской волости, соцкой Кирилко (Лодомск. грам.). „В новгородцих пределах; от свицких немец" (Сказание о Трифоне Печенгском).

6. **Замена старого ять звуком И:** дворов всих, на дине, на дили; править заповидь, увичить, априля изовладить, деньги вси сполна (Лодомск. грамоты).

7. **В формах имен существительных заднеязычные согласные смягчались в шипящие или свистящие:** послуси, человецы (Двинск. грам.). В реце, на сусе (на суше). (Сказание о Триф. Печенгск.). Послуси, деньги по строци, под нозе (Лодом. грам.). Но рядом с этим есть и формы без смягчения заднеязычных звуков, например: на истоке, в путниех (Двинск. грам.). Факты замен заднеязычных звуков шипящими или свистящими в падежных окончаниях в Двинских и Лодомских грамотах заметны вплоть до конца XVI века, но только в трафаретных выражениях, например: „послуси".

8. **В родительном падеже имен существительных первого склонения окончанием служило ять,** например: орамой земле, белке, грамоте, взял у Миките (Лодомск. Грам. XV и первой полов. XVI в.).

9. **Вторые формы в родительном и местном падежах имен существительных** в Выгу реке (Солов. грам. XV в.); до лошку (до ложка), до порогу, без счету, с размету; на черном воску, в стану, на стану (Лодомск. и Важск. грамоты 1607 и 1668 гг.).

10. **Древняя форма в окончании творительного падежа имен существительных:** всеми угодьи; поудалел за мхи и за болоты и за водами; со всеми угодьи и с пустошами; никоими делы; и с пророки (Лодомск. грамоты XV и первой половины XVI в.).

11. **В местном падеже окончание И или Ы:** в рицки, на Емчи, на Ухтострови, на Княжестрови на горы (Двинск. грам.). На Лодьми, на Лодьмы реки; в Лапоминском устьи; на наволоки, при животи, по сей грамоти; в верховьи; на пономари; от ели к реки; в кусти камень; на ивы тес за тесан; к шалги; на Фоми, на Гаврили; на Колотилови, на Денисови (Лодомск. грам. XV—XVII вв.). Во граде Колы (Сказ. о Трифоне Печенгск.). Но есть и иные окончания: в Кеме реке, в Шуе реке (Солов. грам.).

12. **В именительном падеже мужеского рода имен прилагательных окончание ой:** земской дьячек, церковной; колмогорской росход; озерной, вознесенской прикащик; ламкурской наволок (Лодомск. грам. XV и XVI вв.).

13. **В родительном падеже имен прилагательных и родовых местоимений мужеского и среднего рода было окончание ВО:**

другово, писчево, с нево, истопничево, ево (Лодомск. грам. XVI в.).

14. **Окончание неопределенного наклонения в XV и XVI вв. —ТИ:** взяти, дати, городити, (Двинск. грам.). Чинити, бити, имати, судити, наровити, давати, велети, писати, держати, взяти, высылати, поблюсти, двигати, поберечи, грабити, увичити, подписати, принести (Лодомск. грам. XV и XVI вв.). Современные формы неопределенного наклонения (подписать, завладеть, отстать, ходить) в рассматриваемую эпоху тоже были, но они встречались реже, чем первые.

15. Из глагольных форм прошедшего времени в грамотах XV встречались формы аориста, например: се купи, се даша (Солов. грам.). Но еще в том же XV в. формы аориста идут на убыль, заменяясь формами прошедшего совершенного времени: взял есма (Солов. грам. XV в.) взяли есмя 20 сорок белкы; заложили есмя: дали есмя; дал есми; купил есми (Двинск. и Лодомск. грам. XV в.). Взял есми, продал есми, купил есмы, выменяли есмя, дал есми, взял есми, узял есми, благословил есми, поставил есми, отпустил есми (Лодомск. грам. 1516—1692 г.).

Формы преходящего времени в беломорских грамотах совсем не встречаются. Наличие же форм преходящего времени в сказании о жизни Трифона Печенгского, например: «едяху, деяху, бияху; за власы торгаху, о землю метаху»—об'ясняется влиянием церковно-книжной традиции и показывает нам степень глубокой отсталости церковно-книжного языка от разговорного языка Беломорья XV—XVII вв.

16. **В конструкциях речи встречаются повторения предлогов:** купил у сестры своея Марфы; у брата у Михаила; у сестры у Улиты (Двинск. грам. XV в.). У Мартьяна у Кирилова сына. У старосты Егорьевского у Поздея у Мартемьянова сына. Взял есми у зборщика у Лодомского у Рудака у Васильева сына. Со всякой тони взял по четыре алтына и по пяти денег по разрубному списку и по выписи. (Лодомск. грам. 1548, 1587 и 1588 гг.). До духовские до старые башни. И ты говорил с архимандриты и з дворяны с детьми боярскими и с посацкими и всяких чинов с людьми (Важск. грам. 1608 и 1637 г.г.)

17. Предлоги для, ради иногда стояли после управляемых ими слов: грех ради, скудости для, милостыни ради. (Сказ. о Триф.).

18. Из синтаксических конструкций преобладало сочинение предложений. В XVI ст. старые причастия начинают переходить на роль обособленных деепричастных оборотов, например: велел розсыльщику ехати в монастырь, а проехав в тот монастырь, велети того монастыря старцам ехати (грам. 1599 г.). Живет в том монастыре старица Маремьяна и дочь ея Овдотья к ней приходя ночью с незнаемыми

людьми, и ночью пьют и едят и шум у них бывает многой (1630 г.). В придаточных предложениях встречается подчинение при помощи союза яко, например: живуще в нечестии, яко зверие дивии.

19. Старые причастия с окончанием на Л в XVI в. уже превратились в глагольные формы прошедшего времени: деньги платил казначей, взяли в государеву казну; у коровницы нашел масла кринку. Братья сказали. Сергий лаялся, лошадь чужую имал, и пьян гонял, и ногу у лошади изломил (грам. 1634 г.).

20. Дательный самостоятельный: «Великому царю Федору Иоанновичу воевавшу свицкие немцы. Плывущим лодиям. Скотом и еленем пасущимся». Форма дательного самостоятельного жила в Беломорье до времени М. В. Ломоносова („Бывшу им на море"), но употреблялась только в книжном языке.

Словарь русского северного диалекта формировался, конечно, в процессе трудовой жизни поморов и северо-двинских насельников и в условиях взаимодействия языков карелов, коми и др., с одной стороны, и русских говоров Москвы и Новгорода, с другой. В частности, от карельского языка в северный русский говор, кроме большого числа географических названий, например рек: Сума, Ижма, Лодьма и пр., вошли слова:

карбас—гребное судно;

кокать—легонько ударять; кокают яйцом об яйцо; яйцо называют „коко";

косье—рукоятка у косы,

камбала—рыба,

кумекать—понимать, толковать; говорят: он ничего не кумекает;

кережа—легкие сани,

кумжа—пятнистая семга,

кукша—хищная лесная птица,

лахта—залив,

липка—бабочка,

луда—каменистая отмель;

малтовать—понимать; говорят: мало малтует, ничего не малтует,

мойва—наживочная рыбка,

мурга—подмытое водой углубление;

няня—соски у женщины, вымя у животного; жареное вымя—тоже „няня";

няша—прибрежная грязь; илистое дно при отливе воды;

пехтать—сбивать масло; пахтанье—жидкость при сбивании масла;

пур—туман; отсюда; Пур-наволок.

райда—обоз из нескольких кереж;

салма—пролив между островами или островом и берегом.
упаки—болотные сапоги.
и т. д.

Из языка коми слов в русский северный говор вошло не меньше, чем из карельского. Кроме слов, обозначающих географические названия, например: Ежва, Москва, Этва, Вологда и т. д. наиболее употребительны следующие слова:

Аргыш—обоз с рыбой или с чем нибудь другим;
Вайгач—остров в Сев. Ледовитом океане;
ворга—роща, лес; иногда заболоченное место;
инька—замужняя женщина;
кань—кошка, каменистая коса; отсюда: Канин нос;
комель—толстый конец дерева;
куртома—залог, деньги за прокат;
курья—залив;
конда—лес с борового места; сухостойная сосна;
лава—брод; перекладина через реку;
мянда—лес с болотистой местности;
нарты—легкие санки;
ошкуй—шкура белого медведя;
пурга—снежная метель;
пельмени—кушанье;
тайбола—лесная дорога, идущая по ненаселенной местности;
и т. д.

Языки лопи и ненцев тоже оказали свое воздействие на русское окающее наречие. Из этих языков у нас пользуются словами:

важенка—самка—олень,
вараки—лес на возвышенности или гора с плоской вершиной,
висла—пролив, речка,
липты—чулки мехом внутрь,
тупа—зимнее жилище в Лапландии;
хибены—большие холмы; отсюда: хибиногорские апатиты;
малица—меховая одежда,
совик—зимняя одежда ненцев,
пыжик—мех с оленя до трех месяцев,
пимы—обувь мехом наружу,
пунох—маленькая птичка,
тынзай—аркан для ловли оленей,
хорей—шест—погонялка оленей,
шар—пролив, отсюда: Маточкин шар, Югорский шар
и т. д.

В XVII в. на развитие словаря северного диалекта русского языка оказали значительное влияние два факта, происшедшие в Москве и отразившиеся на архангельской окраине: гонение за „старую веру“ и притеснения скоморохов.

а) Гонение за старую веру. В XV—XVII ст. церковь все более и более подпадала под влияние торгового капитала. С переходом к денежному хозяйству росло церковное хозяйство, и в руках монахов и епископов собирались огромные богатства. Так, к концу XVII в. в вотчине Сийского монастыря насчитывалось всего населения около 3300 человек, а в Соловецкой свыше 10.000 человек. Вотчины монастырей в центре России, конечно, не были беднее северных собратий. В окружении таких богатств трудно было соблюдать посты, истощать свою плоть, выполнять все правила аскетизма. Монахи все более сближались с миром, от соблазнов которого они должны были уйти. Возникал вопрос, как же могут такие люди стоять во главе церкви, совершать таинства, связывать людей с богом? Уже на Стоглавом соборе (1551 г.) царь Иван Васильевич Грозный обличал монахов за их пьянство и бражничество, за их роскошное житье. «Старцы, говорил он,—собирают на построение церкви, а что соберут, то пропивают». В XVII в. это движение опять усилилось.

Рядом с этим нарастало другое движение—среди белого духовенства. Сельское и городское духовенство зависело от помещиков и купечества. Попы жаловались, что дворяне их „в цепи куют и бьют, и с приходов сгоняют", да еще приговаривают: „бей попа, как собаку, только бы жив был". И в деревне, и в городе духовенство было обложено большими поборами в пользу архиерейских и митрополичьих домов; дорого стоил им патриарх. Все это вызывало сильное недовольство: почва для возмущения была готова.

Сельские попы с диаконами поднимались на архиерейских сборщиков, «били их и увечили, и архиереям под суд не давались и не слушали их ни в чем». Городские попы обличали высшее духовенство за роскошь и доказывали, что не пастыри, а волки во главе церкви.

При таких условиях стал на очередь вопрос об исправлении книг и обрядов при патриархе Никоне. По инициативе патриарха богослужебные книги были исправлены по греческим образцам и напечатаны; исправлены были и обряды. В результате получился ряд крупных перемен. Раньше русские люди крестились двумя перстами, аллилуйя пели дважды, ходили во время службы „посолонь", писали Исус и т. п. Теперь им надо было креститься тремя перстами, петь аллилуйя трижды, ходить против солнца, писать Иисус. В символе веры было выпущено слово „истинного". Ревнители старой веры: протопоп Аввакум, поп Лазарь, дьякон Федор отказались принять реформу и были сначала сосланы, а потом подверглись пыткам и даже смертной казни. На сторону защитников старой веры

стали бояре (Нарышкины, Стрешневы, Морозовы, Урусовы), богатое купечество, мелкие ремесленники и даже крестьяне.

Вопрос о причинах возникновения русского раскола мало исследован, но, без сомнения, тут основное значение имела экономика. Если худо жилось рядовому духовенству, то тогда еще хуже приходилось трудовому населению. Процесс закрепощения народных масс власти помещиков при первых Романовых неуклонно вел к усилению податного бремени и барщинного гнета. Раскольник Докукин положение трудящихся в свое время изображал так; они „свободной жизни лишаеми, озлобляемы, оскорбляемы... рыбные ловли и торговые и завоцкие промыслы отняты... на правежах стоя от великих и несносных податей... гладом истаеваемы и многие от того умершвляемы". Все это, конечно толкало крестьян и ремесленников на путь борьбы с угнетателями. Но не умея выступить против своих поработителей активно, трудящиеся протестовали пассивно, а именно—уходом в раскол. Таким образом, раскол для крестьян и ремесленников был своеобразной формой протеста против гнета феодального государства. Все эти ревнители по старой вере в старину получили наименование раскольников.

Будучи притесняемы за веру, раскольники бежали из центра на окраины; на юго-запад, в стародубские леса, на восток, за Волгу, в керженские леса, и на север, на Сев. Двину.

Восстание соловецких монахов за веру, а больше за свою феодальную независимость подлило масла в огонь. Соловецкий монастырь был типичным остатком феодальной старины. Он имел огромную вотчину, свою каменную крепость, с голландскими пушками, и свыше 1000 наемных стрельцов. Архимандрит монастыря именовался комендантом Беломорья. Монахи привыкли к независимости и теперь не подчинялись Москве: не приняли новых книг. Началась вооруженная борьба. Через восемь лет (1668—1676 г.) царские войска взяли монастырь штурмом. Часть защитников была казнена, а другая, пользуясь зимней дорогой, рассеялась по поморским деревням, разнося всюду вражду к никонианам.

Раскольники, бежавшие из Москвы, и соловецкие монахи надолго завладели умами многих крестьян на севере и, конечно, оказали большое влияние на язык. По моему мнению, влияние расколоучителей на московский язык было незначительное и скороперехолящее, тогда как на архангельской окраине оно оказалось сильным и длительным. Язык Москвы уже в XVII в. в основном порвал связь с древнеславянской традицией, а на севере эта связь была сильна до самой Октябрьской революции 1917 г. не умерла окончательно в Поморье и теперь. От староверских начетчиков северный говор наполнился старорусскими и церковными словами и оборотами, например;

Аминь; отдать аминь;
адова: адова баба (от „ад“),
ангели, андели,
бажать—любить; баженой—уважаемой, любимый,
баса, баской—красота,
благо, благонько—много,
благословенный, благословящий,
блаженной,
богоданный,
божатка,
божница,
божья дуга—радуга,
ветхой: месяц ветхой,
вкладчик, вклад (в монастырь),
говенье,
долготерпенье,
мореход, мореходы,
намедни и онамедни,
посолонь—ходить по солнцу,
пост—время поста,
пухлея—водянка,
рукописание,
спасибо (спаси—бог),
сейгод и севогоды,
сребролюбие,
трясея—лихорадка.

Сюда же относятся ряд следующих словосочетаний:

а) Родительный причины: „все от врага, все от никониан; все от моря“.

б) Употребление слов: „ради, для“ в значении причины: „для того потерпите“, „ради праздничка“.

в) Предлоги „О, Об“ в сочетании с церковно-славянским местоимением; „сей“; „О сю пору“, «по сю пору».

г) Иногда „О, Об“ употребляется по-старинке—с винительным падежом: «Об утро».

д) „Через“ иногда употребляется с винительным падежом и обозначает причину; „пропадает через свою дурость“, «страдает через водку».

е) Творительный причины: «вашими молитвами» и т. д.

б) Притеснение скоморохов. Скоморохи—это профессиональные потешники, „веселые певцы“. Исторически они продолжатели дела былинных южно-русских творцов. Скоморохи умели играть на разных инструментах, разыгрывали сцены, носили с собой кукольный театр, водили ручных медведей, были актерами, музыкантами, певцами. Они бродили целыми толпами по 60—100 человек,

В глазах церковной власти скоморохи не пользовались уважением. В их профессии церковь видела нечто греховное, бесовское. В XVII в. против скоморохов выступают и гражданские власти. Их стали сажать в тюрьмы, а инструменты сжигать. Так, по распоряжению царя Алексея Михайловича в одной Москве было предано огню около 40 возов музыкальных инструментов. Скоморохи бежали на окраины государства, главным образом, в Карелию и на Сев. Двину. Здесь они скрестились с крестьянским населением и, вероятно, являются предками современных народных сказателей былин и сказок. Язык скоморохов оказал влияние на развитие художественных элементов северного говора. Марков, Григорьев, Онучков, Озаровская зарегистрировали в пределах Северного края сотни былин и сказок и, конечно, эти сказки и былины для говора северян не прошли бесследно. Они не только обогатили язык, но и дают материал для исторических выводов:

«огнем писанье истребится,
казну злой хищник унесет,
но песня... песня сохранится,
уйдет и мир весь обойдет...
Она уйдет в долины, горы,
найдет в развалинах приют,
чтоб с настоящим в разговоры
вступить о славном прошлом тут».

Многие приемы устного творчества незабываемы, а именно:

Зачины: Высота ли, высота поднебесная,
глубина ли, глубина океан моря,
широко раздолье по всей земле,
глубоки омуты Днепровские.

Описание поездочки богатыря:

Скакал он выше лесу стоячего,
чуть пониже облака ходячего,
с горы на гору перескакивал,
широки озера промеж ног спущал.

Повторы: Мороз с ножки на ножку поскакивает, рукавичкой о рукавичку похлапывает, на красную девушку поглядывает.

Концовки: Был у Иванушки колодец, а в колодце рыба елец, и моей сказке конец.

Таким образом, архангельский окающий диалект родился в результате скрещения языка русских северодвинских и беломорских поселенцев с языком финнов (кореляков, коми и др.) и развивался под перекрестным влиянием говоров скоморохов и раскольников.

В отношении времени развития архангельский говор, сравнительно с окающим говором средневолжского района, идет с запозданием приблизительно на 100 лет, а сравнительно с языком Киевской Руси—лет около двухсот. Такое отставание северного говора вполне закономерно, так как всякий язык развивается стадиально, повторяя на известном моменте своего роста то, что проделано было другими языками, уже пережившими эту стадию. Северный же говор повторяет процесс развития русского киевского диалекта и московского. Значит, чем дальше диалект от Киева на север и северо-восток, тем отставание говора больше.

24. Несколько замечаний о древне-русском письме

Существующее в настоящее время русское письмо имеет своим источником климентовский алфавит (кириллица), возникший, как мы знаем у южных славян в IX—X вв., взамен глаголицы.

Климентовское письмо на русской почве подверглось большим изменениям, обусловленным историческими причинами. Наши палеографы в истории старо-русского письма различают три этапа: устав, полуустав и скоропись.

Устав—это медленное и торжественное письмо, имеющее своей задачей простоту, правильность и «церковнее благолепие». С внешней стороны уставные буквы вычерчивались правильно, высота и ширина букв почти одинаковы, сокращенных слов очень мало. Этот тип письма характерен для эпохи, когда письменность обслуживает потребности религии и когда писцы пишут книги из любви к духовному просвещению истово и не торопясь. Время применения уставного письма—XI—XIII и частию XIV вв.

Когда письменность начинает перерастать церковные рамки и расширяется потребность в книгах, появляются профессиональные переписчики. Эти переписчики работали не по мотивам внутреннего побуждения, а исключительно по заказам и на продажу. В целях ускорения выпуска книжной продукции, они поставили своей целью соединение четкости и удобства начертаний букв. Так появился полуустав. В связи с выработкой букв более удобных для письма полууставные буквы изображались меньше по размеру, их основные линии менее правильны, например: вместо углов (ж, в, з, Ъ) допускались закругления, вместо округлений (е, с, о) угловатость; буквы не всегда прямы и сокращенных слов гораздо больше. Время полуустава XIV—XV вв.

Далее, с ростом денежных отношений, с проникновением грамотности в более широкие круги феодального общества и в

связи с необходимостью обслуживать разнообразные виды потребностей—государственных и частных—(указы, грамоты, купчие, дарственные, письма)—рождается надобность в более ускоренном письме, чем полуустав. В ответ на на это требование жизни выработалась скоропись. Скоропись характеризуется размашистостью письма, свободой нажимов и большим количеством сокращений. Время скорописи XVI—XVII вв.

Письменные документы XI—XIII вв. написаны на пергаменте, а документы XIV—XVII вв. главным образом на бумаге. К лучшим пергаментным памятникам относятся три документа: Остромирово евангелие 1056—1057 гг, Изборник Святослава 1073 г. и Изборник Святослава 1076 г. Наиболее древним документом писанным на бумаге, является договорная грамота Симеона Гордого с братьями от 1340 г.

Все древние документы писаны металлическими чернилами и местами киноварью. Наиболее ценные книги украшены орнаментом, миниатюрами и заставками.

Пособия к курсу истории языка:

1. *Ленин.* Критические заметки по национальному вопросу, т. XVII.
2. *Сталин.* Отчет ЦК XVI с'езду.
3. *Каринский.* За историзм науки о языке, „Революция и язык", 1931 г. № 1.
4. *Н. М. Марр.* Происхождение терминов „книга" и „письмо" в освещении яфетической теории. Здесь дан пример палеонтологического анализа. См. „Книга о книге", № 1 изд. Лен. Г. Б., 1927 г.
5. *Елизаровский, И.* Материалы к курсу языкознания, 1934 г.
6. *Соболевский.* Лекции по истории русск. языка.
7. *Иванов и Якубинский.* Очерки по языку.
8. *Виноградов* К истории лексики литер языка.
9. *Буслаев.* Историч. хрестоматия ц/славянского и др. русского языка.
10. *Шахматов.* Очерк соврем. литер. языка.
11. *Богородицкий.* Общий курс русской грамматики.
12. *Никифоров.* Программа—задание по истории русского языка 1934 г
13. *Преображенский.* Грамматика древнего церковно славянского языка.
14. *Щепкин.* Учебник русской палеографии изд. 1920 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Анающий говор

Па новай па рошшы
паехал зять к тешшы
на жану прасити.
Тешша яво стрела.
— Здарова, мой зятик!
Здарова, касатик!
— Сударыня тешша,
ни дюжа здароф я:
жана дома била.
— За што тибе, зятик?
За што, мой касатик?
— Сударыня, тешша,
я сам глупа зделал,
залес в пагрябочик
паел всю сьмитанку,
ни много, ни мала—
двинаццать гаршочькаф.
— Мая дочка дура:
чяво мала дула.
— Прашшай, мая тешша,
прасьти, раскаталья!
— Прашшай, мой зятик,
прасьти, мой сьмитанник!

(Еремин и Фалеев. Русская диалектология 1928 г., 124-125).

У днаво старичькя была троя сынавьеф: два умных, а третий Мялеша—дурак. Вот старик помяр, а старухе и пасылаит сваих сынавьеф в горат купить сталоф, лошкаф, тарелкаф и гаршкоф. Братья падумали, падумали, шта многа чаво будя им пакупать, и сказали: «давай вазьмем с сабой Мялешу, он будя лошать стячерь», и взяли яво. Ехали, ехали, а на дароги вароны и галки крачють. Вот Мялеша и думаить: пастойтя, я вам фсем задам, эта ани мене дражнють: дурак, да дурак! „Едуть ани лугами и лесам, а в лесу пяньки стаять. Мялеша апеть думаить: бедна, и вы, пянечьки, стаитя вы бяш шапкаф, вам халадно, вот я вас фсех адену".

Прияжжають ани в горат, накупили ета ани фсяво и гаварять Мялешки: «Мялеша, ты приметил дарогу, как мы суды ехали, можышь с телегай ехать».—«магу, магу», сказал Мялеша и паехал в дяревьню. Вот, едить он чиряз лес, даяжжаить да пянечькаф и на фсех и гаршки надел, а в галкаф и варонаф лошками пашвырял.

(Е. Ф. Будде. Этнографическое обозрение).

Окающий говор

3. На зори то было на зорюшки, на зори то было на утренной. Там деушка короушку гонила, пригонила — подойть скоро пошла. Подоила скрось платоцик цидила, процидила душу Ваню напоила; напоила—уговаривала: „Не женися, друг Иванушко! Если женисьсе, переменисьсе. Потеряешь, Ванька, молодость свою! Между нами, между девками, между девками, между вдовками, между вдовушкамы, между сиротушкамы.

Выходила на паратное крыльце, говорила Вани тайное словце: оддай перстень, полуцай свое кольце.

Тут девцонко стала плакать, горевать. Взяла ведрышко за водой скоро пошла, поцерпнула, сама скрылась под волной.

(с. Варзуга, на Мурмане).

4. А Грозныя царь Иван Васильвич задумал строить втору Москву, втору Москву на Вологды. Не мог-то он построить второй Москвы на Вологды, только выстроил черкофь Миколину на том-то городи на Вологды... А задумал-то Орсенко посмотрить государева строеньиця, не второй Москвы, черьквы Миколиной, того же строеньица государева. Пошол-то Орсенко путем-дорогою, уцюл-то во стороноцьки гам, говорю великую. Захотилось посмотреть Орсенку, хто такой разговариват. Делят тут воры-разбойники золоту казну, золоту казну да государеву из той церьквы Миколиной... Разьерилось тут Орсенка ретиво серьцо: хватал он сырой дуб из матушки сырой земли, высоко то он метал по поднебесью. Тут разбойники да испугалисе, по темному лесу разбежалисе.

(Марков. Беломорские былины).

Белорусский язык

5. Жыли сабе дзед и з бабою и быу у их сын дурань. От раз маци и гаварыць на сына: пайдзи ты прыняси пару вады. Ен и пашоу. Выцягнуу ен адно вядро с крыницы, глядзиць, аж там плавае рыбка и блищыць, так ек залатая. Ен хацеу яе узяць у кишеню, дак яна стала пачалавечу прасицца: пусци мяне, лепяй хлопец, я табе дам за тое залати пярсценак; узяла и дала, и сказала: як ты яго пакруцищ, дак што захочешь, тое зробицца.

(Кишеня—карман. Лепий—лучший).

6. Ня стой под вакном,
хадзи пряма в хату,
раскажу табе дасаду
як роднэму брату:
Штоп и пипки ни курыу
табаку ни нюхау,

чужих цзевак ни любиу,
малодак ня слухау.
7. Сшыла юпачку на ваци
а другую на мяху,
аднаго люблю па праудзи,
а другога па сьмяху.

(Романов).

Украинский язык

8. Всю родинойку маю, а татка, мамки не маю. Пишлю зазульку в чужу сторонку я по свою родинку. Пишлю сокола в сыру землицю по своего татка и мамку. Летит зозулька, висточку несе, вся родинойка йде. Ой летить сокив, висточку несе, татка и мамки не буде.

Прилетив сокив ой на таткив гриб та почав щебетати: ой вийди, татку с сирой земли на весиля дитяти. Ой рад же бы я встати, к свойому дитяти, ано сира зимлийка заслонила вичийка, вичийка заслонила тай ручки прислотила.

Крикнули янголи в неби збудили татойка в гроби: уставай татойку до суду, йде твое дитятко до шлюбу, сердейко му жалю вмирае, що ридного татка не мае.

(Свободная песня невесты—сиротки. Из ст. З. Кузели).
(Шлюб—свадьба).

9. У одного пана жыв работник, звалы его Фанасом, и був вин здорово быдовый на всяки штуки. От пан и каже ему: „Слухай, Фанас, як зумиеш ты украсте у мене самаго луччого барана, так дам тоби 20 рублив... Пишов Фанас на степ, де дид да баба паслы овець, зайшов напяред, роззув одну ногу и бросыв чобит, а сам заховався, та й дывыцьця.

Нашла баба чобит, узела его и каже дидови: «Старый, я чобит найшла».—„Та брось его, стара, може вин на коросту брошеный". Вона бросыла.

Гонять овець дальше. Фанас узяв той чобит, зайшов наперед и впять положыв его, а сам заховався. На цей раз дид найшов чобит, узяв та й каже: «Стара! я найшов другый чобит, от було-б того не брасать!».

«Ходим, диду, та найдем его!» сказала баба. Воны пишли шукать, а Фанас налыгав барана и повив до дому. Узнав пан, подарив Фанасу 20 руб...

(Н. М. Каринский).

Приложение №2

Кириллица и глаголица

глагол.	кирил.	глаг.	кирил.	глаг.	кирил.
	д		м		ч
	б		н		ш
	в		о		ъ
	г		п		ь
	д		р		і
	е, є		с		ѣ
	ж		т		ю
	ѕ		оу		я
	з		ф		ѫ
	і, ї		ѳ		ѭ
	и		х		ѯ
			ѡ		ѕ
	к		ц		ѱ
	л		ч		ѵ

Числовые обозначения в древнем церковно-славянском языке

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	
Единицы	а	в	г	д	є	ѕ	з	и	ѳ	
Десятки	і	к	л	м	н	ѯ	о	п	ч	
Сотни	р	с	т	оу	ф	х	ѱ	ѡ	ц	
Тысячи	*а	*в	*г	*д	*є	*ѕ	*з	*и	*ѳ	

Приложение №3

Таблица соответствий в окончаниях твердых и мягких склонений

ТВЕРДЫЕ	МЯГКИЕ
а	ꙗ
о	е ѥ
оу	ю
ы і	и
ѣі	ѧ ѩ
ѫ	ѭ
ъ	ь
ѣ	и

Склонение имен существит.

Ед.ч. И.	рабъ	конь	край	сынъ
р	а	ꙗ	ꙗ	оу
ф	оу	ю	ю	ови
ъ	ъ	ь	и	ъ

Т	ЪМЬ(ОМЬ)	ЬМЬ(ЕМЬ)	ЬМЬ	ЪМЬ
М	Ѣ	И	И	ОУ
Э	С	Ю	Ю	ОУ

Дв.ч. И.В.З	РАБА	КОНЯ	КРАЯ	СЫ'НЫ'
Р.М.	ОУ	Ю	Ю	ОВОУ
Д.М	ОМА	ЄМА	ЄМА	ЪМА

Мн.ч И.З	РАБИ	КОНИ	КРАИ	СЫ'НОВЕ
Р	Ъ	Ь	И	ОВЪ
Д	ОМЪ	ЄМЪ	ЄМЪ	ЪМЪ
В	ЪІ(І	ЯѦ	ЯѦ	ЪІ
Т	ЫІ	И	И	ЪМИ
М.	ѢХЪ	ИХЪ	ИХЪ	ЪХЪ

Ед.ч.	И.	жена	землꙗ
	Р.	" ꙑ	ꙗ
	Д.	" ѣ	и
	В.	" ѫ	іѫ
	Т.	" оѭ	еѭ
	М.	" ѣ	и
	З.	" о	е
Дв.ч.	И.В.З	женѣ	земли
	Р.М.	" оу	ю
	Д.Т.	" ама	ꙗма
Мн.ч.	И	жены (носо-ртов)	землꙗ
	Р.	ъ	ь
	Д.	амъ	амъ
	В.	ꙑ (носо-ртов)	ꙗ
	Т.	ами	ꙗми
	М.	ахъ	ꙗхъ

Аорист

Ед.ч.	1	быхъ	знахъ	несохъ
	2	бы	зна	несе
	3	бы	зна	несе
Дв.	1	быховѣ	знаховѣ	несоховѣ
	2-3	бы'ста	знаста	несоста
Мн.	1	бы'хомъ	знахомъ	несохомъ
	2	бысте	знасте	несосте
	3	бы'шѧ	знаша	несошѧ

Преходящее время

Ед.ч.	1	бѣахъ	знаахъ	несѣахъ
	2	бѣаше	знааше	несѣаше
	3	бѣаще	знааше	несѣаше
Дв.ч.	1	бѣаховѣ	знааховѣ	несѣаховѣ
	2-3	бѣаста	знааста	несѣаста
Мн.ч.	1	бѣахомъ	знаахомъ	несѣахомъ
	2	бѣасте	знаасте	несѣасте
	3	бѣахѫ	знаахѫ	несѣахѫ

Приложение № 4

Приписка к Остромирову евангелию

Слава тебѣ г҃и ц҃рю н҃бсьныи
ꙗко съподоби мѧ написа-
ти еу҃лие се почахъ же
е писати въ лѣ҃ ѕ҃ф҃з҃д
а оконьчахъ е въ лѣ҃
ѕ҃ф҃з҃е написахъ же еу҃лие
се рабоу б҃жию нареченоу
сѫщоу въ кр҃щении иосифъ
а мирьскы остромиръ бли-
зокоу сѫщоу изѧславоу
кнѧзоу изѧславоу же кънѧ-
зоу тогда прѣдрьжѧщоу
обѣ власти и о҃ца своего
ꙗрослава и брата своего

володимира· самъ изѧславъ
кънѧзь· правлꙗаше столъ·
о҃ца своего ꙗрослава·
къıевѣ· А брата своего столъ
поръчи правити близокоу
своему остромироу новѣ·
городѣ.

Азъ Григории диако҃н
написахъ е҃улие е да иже
горазнѣе сего напише то
не мози зазьрѣти мьнѣ
грѣшьникоу.

Грамота Мстислава Володимировича 1130 г.

Се аз мьстислав володимирь сн дьржа роуськоу землю в свое княжение повелql*) есмь сноу своемоу всеволодоу отдати боуицq стмоу георгиеви с данию и с вирами и с продажами и вено воское даже которыи князь по моем княжении почьнеть хотети отЪяти оу стго георгия, а бЪ боуди за тqмь и стая бца и т стыи георгии. оу него то отимаеть. и ты игоумене исаие и вы братиq. донелq же ся мир сЪстоить. молите ба за мя и за моq дqти. кто ся изостанеть в манастыри. то вы тqмь дЪлжьни есте молити за ны ба и при животЪ и в сЪмьрти. а яз дал роукою своею. и осеннее полюдие даровьное пол третия десяте гривьн стмоу же георгиеви. а се я всеволод дал есмь блюдо серебрьно в 30 грвн серебра. стмоу же георгиеви велql есмь бити в не на обqдq коли игумен обqдаеть даже кто запЪртить или тоу дань и се блюдо. да соудить емоу (гдь в) днь пришествия своего и тЪстыи георгии.

Отрывок из договорной грамоты смоленского князя Мстислава с Ригою и Готским берегом 1229 г.

Что ся дqетq по вqремьнемь, то отиде то по вqрьмьнемь; приказано боудqте добрым людqм, а любо грамотою оутвqрдять, как то боудqте всем вqдомЪ, или кто посль живыи останqться. Того лqта, коли Альбрахт, влдка ризкии оумьрл, уздоумал князь смольнескыи Мьстислав, Двдв сн, прислал в Ригоу своего лоучьшего попа Ерьмея и с ним оумьна моужа Пантелея и своего горда Смольнеска. та два была послЪмь оу Ризq, из Ригы ехали на Гочкыи берьго, тамо твердити мир; Оутвьрдили мир, что был немирно промьжю Смольньска и Ригы и Готским берьгомь всем коупчем. Пре сеи мир троудилися дЪбрии людие: Ролфо ис Кашеля, бжи дворянин, Тоумаше Смолнянин, ажбы миро былЪ и дЪ вqка. оурядили пакЪ мир, како было любо Руси и всqмоу латинескомоу языкоу, кто то оу Роусе гостит. На томь мироу ажбы мир тверд был тако был князю любо и рижанЪм всем и всем латинескому языкоу и всемь темь, кто то на оустоко моря ходить, тако учинили.. аще боудqть свободqный человqк оубит 10 гривен серебра за голову, аще боудqте холоп убит 1 гривна.. послоу или попоу что оучинят за двое того оузяти.

*) Вследствие отсутствия буквы ять, вместо нее всюду в приложении этой книги ставится (перевернутая буква q).

Грамота князя Андрея Александровича и всего Новгорода Ганзейским купцам 1301 г.

От великого князя Андре́я. от посадника Смена. от тысячкого Машка. от всего Новагорода. Се приеха Иван Бqлыи. из Любка Адам с Гочкого берега. Инча Олчать из Ригы. от своей братии от всqх коупqчь. своих латиньского языка и дахом им три поути горнии по своей волости. а четвертыи в рqчках гости ехати бес пакости на божии роучq и на княжи. и на всего Новагорода. Оже боудеть нечист поуть. в рqчках князь велить своим мужем проводити сии гость а вqсть им подати.

Из Новгородской летописи (от XIV в.)

В лqто 6643. Ходи Мирослав посадник из Новагорода мирит кыян с черниговьци, и приде не успqв ництоже; сильно бо вЪзмяла ся вся земля русьская; ЯропЪлкь к собе зваше новЪгородьцq, а черниговьскыи князь к собq; и бишася, и поможе бог ольговицю с черниговчи, и многы кыяны изсqце, а другыя изма рукама; И не то бяше зло, нЪ болq; почяста копити вои, и половчq и всq.

В лето 6704. Заложеиста церьковь камяну святого Кюрила в монастыри в Нqлезqнq КЪснятин и ДЪмитр братеника, на Лубянq и уличи, и начаша дqлати мqсяцq априля, а каньцяша мqсяця июля в 8, на святого Прокопия.

Слово о полку Игореве (по списку XV в.)

Ярославнын глас слышит; зегзицею незнаемь, рано кычеть: полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочю бебрян рукав в Каялq рqцq, утру князю кровавыя его раны на жестоцqм его тqлq. Ярославна рано плачет в Путивлq на забралq, аркучи: о вqтрq, вqтрило! Чему господине насильно вqеши? Чему мычеши хиновьскыя стрелкы на своею не трудною крильцю на моея лады вои? Мало ли ти бяшет гор под облакы вqяти... Чему господине мое веселие по ковылию развqя? Ярославна рано плачеть Путивлю городу на заборолq, аркучи: о Днепре словутицю! ты пробил еси каменныя горы сквозq землю половецкую. Ты лелqял еси на себq святославли носады до плЪку Кобякова: взлелqй господине мою ладу к мнq, а бых не слала к нему слез на море рано...

Купчая Игнатия у Станши Борисова с С. Двины XV в.

Се купи Игнате оу Станшq. оу БорисЪова сына. село на Лоукини береги; чорней землq семь поль. а на Юрмоли. верхнем поли. оуцасток его и в дворищи оуцасток его и в сосЪники оуцасток его и оу ворот. оуцасток его... а в залывЪи

два перевесища а то тои же землѧ. а в рицки цетвертая цясть. а на писку в тони цетвертая цясть. и да Игнате на теи землѧ 8 рублев и 20 сороков бѣлкѫ... а на то послуси. Олекса Микулин. Родивон Юргев. Кюрьяк Васил'ев.

Закладная Обросима и Лаврентия Васильевых, XV в.

Се заложи Обросим и Лаврентей Васильевы дети село земли на Лодми, оцсиноу свою, Федороу Макаровоу и его детем. Взяли есмя 20 сорок белкѫ. А заложили есмя на 5 год. А изойдеть 5 год, ино Обросимоу и Лаврентью очстиноу свою выкупити своими коунами. А не будеть в Обросима и в Лаврентья коун своих, иро им в людей коун не имати по правоу словоу, и по хресномоу целованию... А колодязи на Бороу вмѣсти. А на то послухы: Кузма Тимофеевич, Иван Иванович, Микула Михаилович... А оу печати стоял сам Обросим и Лаврентей и в дѣтей своих в место.

Духовная схимника Сергея Манылова Чухченемскому монастырю на С. Двине от XV в.

... Се аз раб бий Сергѣй чернець скимник Манылов сн писал есмь рукописанье при своем животи. Дал есми стму Николи отчну саою вчасток свои. орамыи земли и пожни и братня вчастка Микитина половина во всем. На гори в лѣсном поли полоса земли.

Из Домостроя, XVI в.

А слуг своих заповѣдывал о людех не переговаривати; и гдѣ в людех были и что видели недобро, тово дома не сказывали бы; а что дома дѣется, того бы в людех не сказывали; о чем послано, то и паметуи, а о ином о чем оучнут спрашивати, того не отвечевай, и не вѣдай и не знай того, борзее отдѣлавшися да домои ходи и дело кажи, а иных вестеи не приноси, што не приказано, ино промежь гсдарей никакои ссоры не будет. (Изд. Орлова, стр. 33).

Из судного дела о табаке, 1680 г.

188 году апреля в—день бил челом великому государю царю и великому князю Феодору Алексеевичу, всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцу. а на Белоозере в приказной избе воеводе Илье Дмитриевичу Загрязскому Иванов крестьянин Поливанова Ивашко Матвеев подал челобитную за рукою, а в челобитной пишет:

Царю государю и великому князю Феодору Алексеевичу, всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцу, бьет челом сирота твой, Белозерского уезду Заозерского стану волости

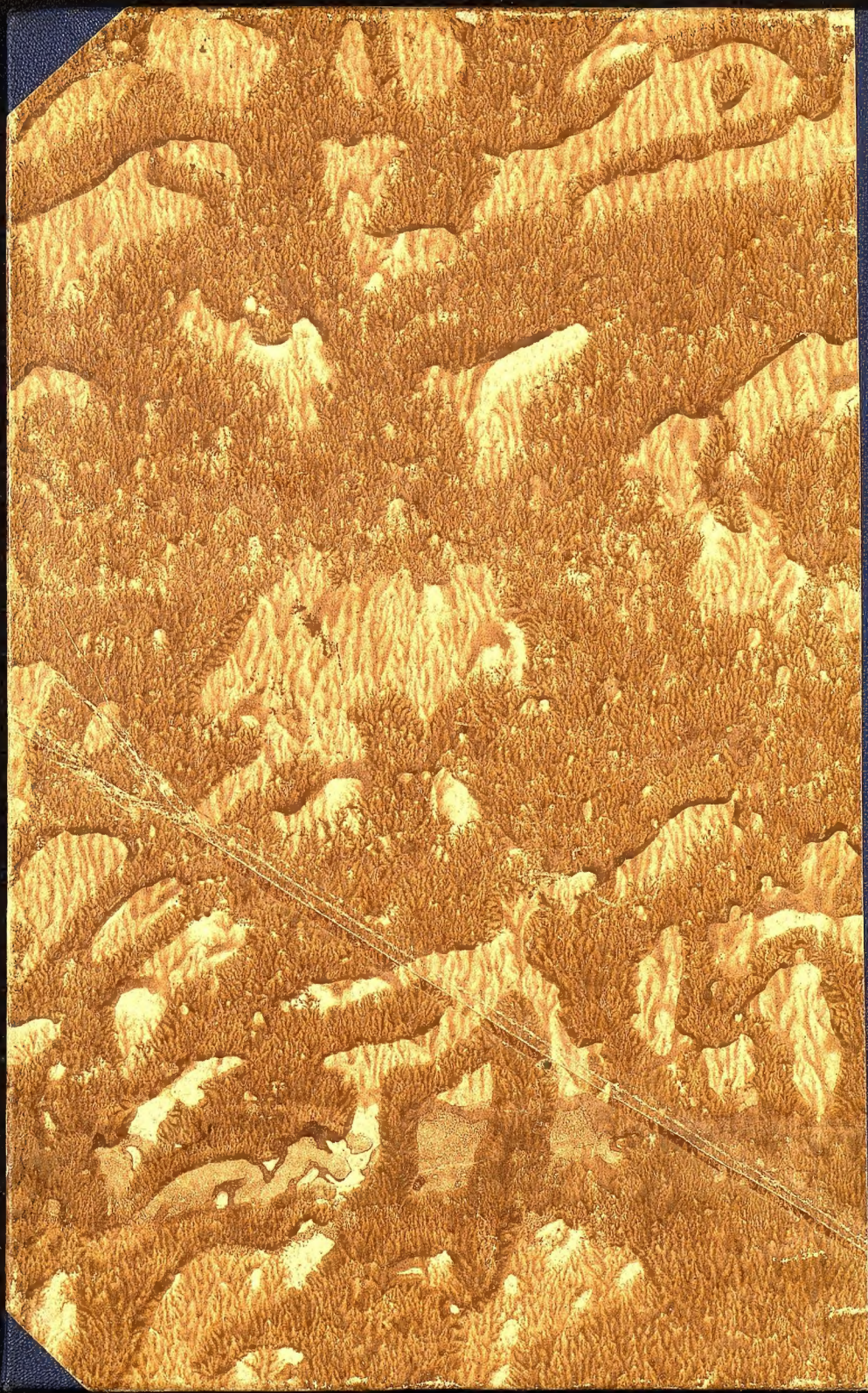
Липина Борку Иванов крестьянин Акимова сына Поливанова Ивашко Матвеев. В нынешнем, государь, во 188 году ехал я сирота твой с ярманки из Новозерского монастыря, после Алексеева дни, домовь, мимо Белоозера и стал я сирота твой на Белоозере, на постоялый двор белоозерца посадцкого человека Якова Тимофеева, и с того постоялого двора ходил я, сирота твой, на твой государев белоозерской кружечной двор, для питья, и напився, я сирота твой, на твоем государеве белоозерском кружечном дворе пьян и пошел я на тот постоялый двор, и не дошед я, сирота твой, того постоялого двора пьяной лег спати на поле, и в то время, как я сирота твой пьяной спал на поле, положил мне сироте твоему неведомо кто в зеп нетертого табаку сырцу небольшое место, пяди с полторы, да табачной рожок, и с тем табаком и с табачным рожком привел меня сироту твоего, на Белоозеро в приказную избу иноземец Зиновей Лаврентьев; а я сирота твой табаку не пью и не торгую и не покупаю, и тот табак и табачной рожок в то время неводомо кто положил мне сироте твоему в зеп, по недружбе; и в том табаке на Белоозере в приказной избе был мне сироте твоему допрос, и после допросу посажен я сирота твой на Белоозере в губную избу, и сидячи я сирота твой в губной избе многое время внапрасне помираю голодною смертью. Милостивый государь царь и великий князь Федор Алексеевичь, всеа великия и малыя и белыя Росии самодержец! Пожалуй меня сирогу своего из губные избы освободить, чтоб мне сироте твоему, сидя в губной избе внапрасне многое время, голодною смертью не помереть и пашни не отбыть. Царь государь, смилуйся пожалуй!

ОБ'ЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.

Отв. редактор *Леушев С. И.* Техред *Мощанская З. А.*

Севкрайлит № 952. г. Архангельск 1935 г. Об'ем 6,75 п. л. Тип. знаков 45.000 в 1 п. л. Ф. 1/16. Зак. № 121. Тираж 700. Сдано в набор 15 апреля 1935 г. Подписано к печати 10 мая 1935 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

		Стр.
1.	Общие замечания об изучении и истории русского языка	3
2.	Проблема образования восточно-славянских языков и их связи с неславянскими языками	7
3.	Источники для истории языка	8
4.	Образование Киевской Руси	14
5.	Культурно-экономические отношения Киевкой Руси с греками	15
6.	Культурные отношения с Болгарией	16
7.	Первая славянская азбука	18
8.	Фонетические особенности, общие древне-славянскому и старо-русскому языкам	21
9.	Отличительные особенности старо-русского языка от древне-болгарского в области фонетики	22
10.	Морфология древнего церковно-славянского языка	24
11.	Главные особенности церковно-славянского синтаксиса	37
12.	Лексика древнего церковно-славянского языка	38
13.	Русский народ и его язык в VIII—XIII вв.	39
14.	Изменения в звуковой стороне русского языка с XI века	44
15.	Изменения в морфологии русского языка XI—XIV вв.	47
16.	Синтаксис старо-русского языка	54
17.	Лексика русского языка XI—XIV вв.	56
18.	Диалектические особенности в старо-русском языке	58
19.	Русский язык XV—XVII вв.	60
20.	Второе южно-славянское влияние	63
21.	Публицистика XVI века	66
22.	Украинское и западно-европейское влияние на русский язык	67
23.	Население и язык Беломорья в XV—XVI вв.	72
24.	Несколько замечаний о древне-русском письме	90
25.	Приложения	94

Цена 3 руб.